

АНДРЕЙ ВЯЗОВ

ЗВЕЗДОЧЕТ

Андрей Вязов

Звездочет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8226487

ISBN 978-5-4474-0111-5

Аннотация

Два друга, «герои нашего времени», Антон и Леша, живут, как и большинство молодых людей: развлекаются и не задумываются о будущем. Их интересуют деньги, девушки и клубы. Но в какой-то момент они устают от развлечений и, столкнувшись с внутренней пустотой и одиночеством, осознают, что жизнь их бессмысленна.

Содержание

Летний вояж	4
1	4
2	8
3	17
4	23
5	28
6	39
7	51
8	71
9	87
10	91
11	104
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Андрей Вязов

Звездочет

Экзистенциальный роман

Летний вояж

1

Накануне отлета я плохо спал. Крутился в постели в бесконечных раздумьях и заснул только с приходом серости предрассветного часа.

Получая наставления от родителей, я нетерпеливо поглядывал на часы и волновался о том, дадут ли мне еще денег. Я хотел взять с собой как можно больше денег, чтобы не утруждать себя излишней экономией. Само слово «экономия» кажется мне чем-то кошунственным и не связанным с жизнью.

С зубным скрежетом я выцарапал у отца еще несколько сотен долларов и с удовлетворением подумал, что теперь, пожалуй, я могу чувствовать себя за границей относительно комфортно. В моем распоряжении еще никогда не было такой большой суммы на карманные расходы.

Отец взялся отвести меня и друга в аэропорт. Леша, как

и я, выглядел неважно. Он жутко боится летать на самолетах и тоже не спал почти всю ночь. Как будто, если ты не спишь, это может помочь тебе бороться со страхом.

В аэропорту начались ненавистные формальности. Заполнение таможенных деклараций, проверка багажа – все то, что может хорошенько испортить тебе настроение.

Вот уже мы стоим в очереди на паспортный контроль. Я то и дело зеваю и лениво продвигаюсь вперед. Неожиданно Леша пихает меня локтем в бок и показывает на девушку, стоящую в соседней очереди.

Точно! Я ее узнал! И она меня узнала. Вот это встреча!

Честно говоря, не из приятных. Когда-то вместе с ней я ходил на футбольный матч, когда-то я пытался сделать ее своей подружкой, и был страшно разочарован, когда у меня ничего не вышло. А теперь я даже доволен этим. Почему я так сильно из-за нее переживал и воображал себе невесть что? Ведь если хорошо всмотреться, то нетрудно заметить, что в ней нет ничего особенного. Надменное лицо, толстоватый зад и худосочная грудь, легкая сутулость и в довершение всего дрянной характер. Она так и норовит использовать тебя: не интересуется тобой как собеседником, а говорит лишь для того, чтобы выплеснуть свои переживания. Да и, как я подозреваю, не откажется выпить за чужой счет. Леша как-то раз встретил ее в клубе, уже после того, как я перестал с ней общаться. Ах, как она ему обрадовалась! Так сильно, что вскоре предложила что-нибудь выпить! Только вот незадача, все ее уловки легко заметить. Неужели она этого не понимает? Или, может быть, она ищет дурака, который бы беспрекословно выполнял все ее команды?

Ну, уж нет! Я делаю вид, как будто ее не замечаю. И говорю Леше, что для полного счастья на отдыхе нам не хватает этой манипуляторши. Он соглашается со мной, и мы, сосредоточенно заполняя таможенные декларации, забываем о ее существовании.

Всего в этой жизни не предусмотреть, как ни старайся. Леше приходится расстаться с маникюрным набором. Его мама положила набор в ручную кладь, и друг теперь страшно

расстроен и вместе с тем зол. Звонит матери и какое-то время разговаривает с ней на повышенных тонах. Чуть успокоившись, просит:

– Антоха, дашь мне тогда свои ножнички. Ты не бойся, я их спиртом протру.

Вся эта спешка, возня с деньгами и документами – в общем, та ситуация, когда ты должен держать все под контролем, ужасно меня напрягает, поэтому зал ожидания я воспринимаю как некое облегчение, как возможность передохнуть, сидя на пластиковом сиденье.

Очутившись в зале ожидания, Леша вмиг срывается с места и бежит в Duty Free, точно советский турист, впервые дорвавшийся до заграничного изобилия.

Он возвращается довольный собой и гордо потряхивает передо мною бутылкой греческого коньяка.

– Как приедем, выпьем, – говорит он.

– Выпьем, – киваю я.

И мы погружаемся в тупое молчание.

Наши места оказались рядом с турбинами. Их неистовый рев при взлете глушил так, что пришлось зажимать уши. Когда взлетели, стало легче. Кое-как я вытянул ноги и вперился взглядом в иллюминатор, наблюдая за проплывающими облаками. Леша, прикрыв глаза, думал о чем-то своем. Попробовав посмотреть фильм на портативном DVD-плеере, он быстро отказался от этой затеи. Размеренный шум двигателей был так силен, что все звуки фильма безнадежно тонули в нем, и с трудом удавалось что-либо расслышать.

Перед самым приземлением самолет затрясло с такой силой, что мне уже подумалось, будто он разваливается на части. Друг сидел с закрытыми глазами и что-то испуганно бормотал. Я же едва не расхохотался: почему-то в критические минуты меня разбирает смех. И все же, как ни старался казаться храбрецом, я почувствовал себя уверенно только после того, как самолет наконец-таки приземлился.

В толчее, среди незнакомых смуглых лиц, слыша чужую речь, я сразу же ощутил себя лишним. Казалось, что эти люди вот-вот мне скажут: «Оставляй нам свои деньги и убирайся домой. Ты здесь никому не нужен».

Заполнив все дурацкие бумажки, мы, протиснувшись сквозь толпу прибывших туристов к скользящей ленте транспортера. Здесь было просто не протолкнуться. Мно-

гие путешественники, словно стоворившись, дружно решили сыграть в идиотов. По-другому и назвать это нельзя. Малолетние отпрыски стояли у самой ленты рядом с родителями, путались под ногами и рисковали быть задетыми чьим-нибудь громоздким багажом. Но, похоже, здесь все настолько легкомысленны, что это в порядке вещей.

Со временем людей становилось все меньше и меньше, и неясно было, где же наш багаж. Мы ходили на хищников, ожидавших добычу, – такие же напряженные, сосредоточенные, агрессивные...

Наконец, на ленте показался Лешин чемодан. Я тут же подхватил его, точно малое дитя, и быстро отставил в сторону. А моего багажа, как назло, все еще не было, и я все больше нервничал, а, в конце концов, начал громко материться. Особое удовольствие материться, когда вокруг тебя никто не понимает ни слова! Ничего не скажешь: очень весело потерять багаж, когда там твои вещи и почти все деньги!

Мой взгляд, когда я был уже готов отчаяться, случайно упал на одну из скамеек. Рядом с ней одиноко стоял до боли знакомый чемодан. Сверив номер на бирке с квитанцией, я вновь разразился ругательствами. Последняя стадия идиотизма! Я живо представил себе, как какой-нибудь жирный ублюдок с одышкой взял в руки мой багаж, сообразил, что ошибся, утер пот со лба и оставил его здесь, нисколько не задумавшись о том, что его владелец может искать свои вещи по всему аэропорту.

Превосходно! Отдых начался, лучше не бывает! Я ощущаю, как начинают сдавать мои нервы. Хорошо хоть автобус без нас не уехал, а то бы пришлось брать такси и ехать черт знает куда! Ставя чемодан в багажное отделение автобуса, я пачкаю свои белые свежестиранные джинсы. Теперь на них виднеется отчетливая черная полоса, которую трудно не заметить.

Мы с Лешей начинаем брюзжать, точно недовольные жизнью старики. Друг беспрестанно матерится, ерзает на сиденье и нервно бубнит: «Как приедем в отель, тут же откупорим бутылку». Просто невозможно! Вначале этот утомительный перелет, поиски багажа, чертова жара, пот, стекающий по спине, с обеда ни крошки во рту... Мы едем вдоль каких-то пустырей, и я наблюдаю за ускользающим солнцем, которое медленно сползает вниз, окрашивая небо розоватым светом. Бегут деревья, мелькают рекламные щиты, а солнце все так же неспешно уходит на покой.

– Что это такое? – злится Леша. – Почему нет никаких телок?

Несказанное разочарование охватывает наши души. Никакой молодежи! Ни одной красивой девушки в автобусе! Да что же это такое?

Довольно зафырчав, автобус остановился возле небольшого добротно отделанного отеля. Снаружи красовалась вывеска красными неоновыми буквами, и все это смахивало на публичный дом. Бордель так бордель. Мне все равно,

лишь бы скорее заселиться, выпить коньяку, и плотно поужинать.

Сумерки, притаившиеся возле стеклянных дверей отеля, словно подглядывали за происходящим внутри, создавая забавную иллюзию, будто ярко освещенный холл с людьми – большой террариум.

Портье, перемежая свою речь благодушными улыбками, какими и подобает угождать клиенту, дал нам пульт телевизора и ключ от номера. И в то же время я прекрасно осознавал, что стоит нам что-нибудь натворить, как эта милая улыбка мгновенно сменится злобной гримасой. Деньги и еще раз деньги. Именно они порождают эту угодливость.

Да все что угодно, ребята! Я и не рассчитываю на искреннее расположение к своей персоне.

Отель, интерьер которого оказался на удивление приличным, был выдержан в мягких кремовых тонах, мог гордиться вышколенным персоналом и неплохим баром, где мы так и не успели за весь отдых напиться.

На первом этаже – недорогой ресторан. Он создан для тех, кто любит получать все, не выходя из отеля, и чем-то напоминает мне столовую. Можно сидеть за столиком у окна и, потягивая пиво, наблюдать за купающимися в бассейне постояльцами.

Лифт, с огромным зеркалом и плоскими металлическими кнопками, загорающимися при нажатии красным ободком, по прибытии на третий этаж гостеприимно дзинькает,

и у меня почему-то этот звук ассоциируется с Москвой семидесятых или, быть может, восьмидесятых годов, с Олимпиадой и Чебурашкой. Может, я сошел с ума?

В номере я тщетно пытаюсь включить свет. Не могу найти выключатель, пока Леша не догадывается, выдернув ключ из прорези замка, воспользоваться специальной карточкой. И тогда свет мгновенно вбирает в себя тьму.

Номером мы довольны. Балкон с пластиковыми столиком и стульями. Коридор со шкафами. Просторная комната с холодильником и двумя тумбочками, на одной из них – телевизор, другая стоит между кроватей, есть и бра. Мягкий желтоватый свет, льющийся с потолка, податливый ковер под ногами. Я беру видеокамеру и включаю запись.

– Скажи что-нибудь...

Леша начинает балагурить. Он трясет бутылкой коньяка, словно завоеванной наградой на каких-нибудь международных соревнованиях и ведет себя так, будто с тех пор он стал национальным героем. Леша утверждает, что его здесь все устраивает, но для полноты счастья не хватает шикарной блондинки, которая должна лежать в его койке. На этом я останавливаю запись и разливаю коньяк по стаканам. Пьем за хороший отдых. Несмотря на семь звезд, коньяк кажется мне ужасной отравой.

Раскладывать вещи неохота, поэтому мы отправляемся на поиски ресторанов. Стемнело, и мы бредем вдоль тростникового забора, за которым чернеет пустыми окнами строя-

щееся здание, наверняка, какой-нибудь новый отель. Кажется, что там, кто-то есть.

Наш путь пролегает через безлюдную улицу, во тьме которой едва разбираешь, куда идешь. Ты ныряешь во мрак и изредка натыкаешься на одинокие фонари. Во тьме кровавыми буквами зловеще горит вывеска отеля.

Выбравшись на более оживленный перекресток, средоточие местного общепита, мы не решаемся выбрать какое-либо кафе, так как в большинстве случаев они заняты, да и не внушают нам никакого доверия. Я убеждаю Лешу, что лучше зайти в ближайший магазин и поужинать в номере, а завтра найти что-нибудь стоящее. Уже поздно, да и мы устали с дороги. Помимо фабрикатов, в магазине Леша покупает бутылку ирландского виски.

– Элитный как бы, – с гордостью подчеркивает он. – Как-нибудь разопьем...

На обратном пути я обращаю внимание на одноэтажное здание, давно требующее ремонта. В больших окнах горит яркий свет. За столом мужчины играют в карты. Припаркованная неподалеку серебристая BMW шестой серии диссоциирует с этой убогой постройкой. Неужели владелец не боится, что его машину могут угнать или поцарапать?

Ужинаем на балконе. С него открывается неприятный вид на старое общежитие. Трехэтажное облезлое здание с машинами у входа, ждущими утилизации, с балконами, завешенными сохнувшими простынями. Такое зрелище несколь-

ко портит общее впечатление об отеле. Это, как если бы усесться среди голодающих и, задумчиво взирая на их печальные лица, словно пытаюсь понять, что же они могут испытывать, невозмутимо поглощать одно за другим изысканные яства.

Я открываю бутылку пива и пью его с таким видом, будто долгое время был лишен самого дорогого. Друг посмеивается и спрашивает, доволен ли я жизнью. Я киваю и снова наклоняю бутылку. На данный момент я самый счастливый человек в мире, желающий как можно дольше чувствовать приятный вкус этого хмельного напитка. В комнате горит яркий свет, балконная дверь настежь открыта, мы неспешно едим и беседуем, не догадываясь, что нас уже поджидает чудовищная неприятность.

И все бы хорошо, только досаждают назойливые комары. Их мерзкий писк меня нервирует, и вдобавок они то и дело меня кусают, вызывая нестерпимый зуд. Наконец, я не выдерживаю этой пытки и ухожу в комнату. У меня будто чесотка, до того комары искусали!

Завершив все приготовления ко сну, я гашу свет, желаю другу спокойной ночи и, представляя, каким же завтра я буду счастливым и бодрым, пытаюсь заснуть.

Но этот проклятый тоненький металлический писк! Он не дает никакого покоя! Полчища комаров переходят в стремительное наступление. Мне остается только укрыться одеялом с головой. Но как же я усну? Я дергаюсь всем телом как

ненормальный, тщетно пытаюсь отогнать этих кровопийц, и вот уже слышу сонную ругань Леша.

Не выдержав, я включаю бра и, прищурившись, оглядываюсь вокруг. Сколько же тут этих тварей!..

Мне не оставалось ничего иного, как перебить их. Я без устали расхаживал по комнате и убивал одного комара за другим. Правая ладонь горела от постоянных хлопков.

Леша все это время вместо того, чтобы помочь мне, ворочался в постели и с раздражением просил, чтобы я выключил свет. Он хотел оставить все как есть. Сейчас же! Сию минуту!

А комары вольготно летали по комнате, словно здесь была их военная база.

Я раздражался все больше и, сопровождая хлопки исступленной руганью, за недолгое время успел перебить столько комаров, сколько не убивал за всю свою жизнь. Никогда не подозревал, что на жарком курорте может быть нашествие этих тварей. Мои усилия, тем не менее, не принесли ожидаемых результатов. Всех кровопийц я уничтожить не смог.

Через некоторое время окончательно проснулся и Леша. Он вертелся, хлопал себя по лицу и сквернословил.

Мы оделись и вышли на балкон, чтобы успокоиться и решить, как быть дальше. Я с досадой осознавал, что заснуть в такой обстановке не представляется возможным.

– Может прогуляемся? – неуверенно предлагаю я.

Леша отреагировал вяло. Да и сам я понимал, что моя

затея далеко не блестящая. Глубокая ночь. Незнакомый курорт. К чему нам приключения? Обреченно вздохнув, мы все же решили остаться и потерпеть до утра. Только вместо одеяла я завернулся в простыню. Я засыпал, напряженно вслушиваясь в тишину. Мне то и дело мерещился комариный писк.

3

Я проснулся из-за мелодии телефона. К утру меня успели неплохо искушать, что вызывало прилив дикого раздражения. Я плохо спал или точнее почти не спал две ночи подряд, потому вы легко можете представить мое состояние. С недовольным бурчанием, я поднялся с кровати и отдернул шторы. Ослепительное солнце щедро брызнуло в лицо лучами. День обещал быть жарким.

Леша все еще продолжал нежиться в постели и, судя по всему, никуда не торопился. Я принялся его тормошить. На завтрак лучше приходиться вовремя, иначе останется холодный кофе и несколько ломтиков сыра.

Вооружившись пультом, я включаю телевизор. От скуки переключаю с одного канала на другой. Звуки резко сменяют друг друга. И, в конце концов, Леша умоляет, чтобы я остановился на чем-нибудь одном. Он раздражается, когда я начинаю развлекаться подобным образом. Леша отбрасывает в сторону одеяло и наконец-то встает.

Солнцезащитные очки я забыл в номере и поэтому морщусь, словно и вовсе отвык от дневного света. Солнце везде. Яркое, раскаленное. Оно бьет по мне, точно пулеметная очередь, не зная пощады; тело становится вялым, мысли блуждают по закоулкам сознания. Праздность утра.

Сидя за столиком близ бассейна, играющего отсветами

солнца, на самой жаре, мы пьем кофе, едим какие-то бутерброды и салат с брынзой.

Периодически я морщусь, как будто пообещал исполнить какое-то ненавистное поручение, и в конце завтрака сообщаю Леше, что больше не собираюсь подниматься в такую рань ради этой паршивой еды.

После завтрака мы идем купаться. И чем ближе подходим к пенистому, рокочущему, воспетому в стихах и песнях морю, тем чаще попадаются загорелые люди с надувными матрасами, пляжными сумками и прочей дребеденью, без которой почему-то нельзя обойтись на пляже. Они улыбаются, переговариваются между собой и излучают довольство жизнью.

Горячий песок обжигает босые ноги, и я стараюсь идти быстрее. Мы купили зонтик и будем валяться под ним на полотенцах, чтобы не платить за лежаки. Здравствуй бедное студенчество! Экономия все еще в силе. Наверное, это просто вредная привычка, от которой нужно избавляться. Конечно, иногда экономия помогает, но чаще всего портит настроение и никак не решает острую проблему. Необходимо зарабатывать больше, а не откладывать деньги неизвестно на что, обманывая себя мыслью, что на них ты обязательно сделаешь крупную покупку. Вот только осталось чуть-чуть подождать. И так до бесконечности...

Леша кидает рюкзак на песок. Едва мы успеваем расстелить полотенца, как к нам подбегает бравый старичок с брон-

зовым загаром и говорит, что за эти места надо заплатить, а бесплатные есть чуть дальше, и показывает рукой в сторону, где часть пляжа отделена натянутой на уровне щиколоток веревкой.

Мне кажется, что стоит об нее споткнуться, как произойдет взрыв, и в воздух взлетят тонны песка и шезлонги, точно ради чьей-то забавы.

Мы недовольно собираем вещи и уходим. Куда ни кинь взгляд, везде распластанные тела: худые и жирные, мускулистые и дряблые, молочно-белые и смуглые, изящные и грубые. Все мы пришли в этот мир беспомощными маленькими существами. Воинственно кричали и боялись всего на свете. Наши младенческие тела приятно пахли и были пухлыми, точно сдобная булочка. Мы были такими милыми. Но потом, спустя годы, по мере взросления мы испортили их. По крайней мере, большая часть из нас, кто так и не понял, что тело требует по отношению к себе бережного ухода. Людям вообще свойственно быстро растрачивать все то, что не досталось им ценой немалых усилий.

Рядом с нами расположились три немки, одна из которых черна как ночь и сверкает зубами цвета жемчуга. Наверняка, ее родители эмигранты. Из всей троицы она смотрится наиболее выигрышно хотя бы потому, что ее лицо кажется умным и серьезным. Может быть, оно приняло такое выражение из-за нелегкой жизни. Эмигрантам приходится несладко, куда бы они ни приехали. На лицах ее подружек

стоит клеймо порочной жизни. Одна из них курит Marlboro, другая, сняв лифчик, мажет кремом свою обвисшую грудь. У нее проколот левый сосок. Меня охватывает отвращение, и я от них отворачиваюсь.

Неимоверно жарко. Еще немного, и я чего доброго заработаю тепловой удар. Напрягая все мускулы, я вставляю зонтик в осыпавшийся светло-серый песок без уверенности в том, что он долго продержится под порывами ветра. В приятном теньке я расстилаю полотенце и укладываюсь на него, разморенный зноем. Под этим зонтиком, как ни странно, я чувствую себя в безопасности. Я – как снайпер, готовый поразить цель без малейшего промедления. Леша небрит и бледен. Он неловко натирается кремом. Все тянется так долго и нудно, что время обесценивается.

Друг уходит купаться первым, оставляя меня с наушниками плеера в ушах и вещами. Я чувствую себя сторожевой собакой и потому не могу расслабиться, думая о том, что стоит мне закрыть глаза, как кто-нибудь украдет наши вещи. И хотя я знаю, что денег у нас с собой не так уж и много, все равно не могу успокоиться. Воспользовавшись кремом, я вытягиваюсь на полотенце, скользкий и влажный, кладу на лицо кепку и, держась за лямку рюкзака, точно за трос, закрываю глаза. Меня охватывает долгожданная истома. Какое блаженство – ощущать робкие дуновения ветра, слышать плеск волн и вдыхать запах моря!

Море так близко, что иллюзорные картинки мгновенно

пропадают из моего сознания. Я медленно, нерешительно приближаюсь к кромке воды. Прибой обдает прохладой мои ноги и вновь откатывается, увлекая меня за собой. Мое тело пробирает дрожь от первого соприкосновения с водой. Я погружаюсь в нее целиком и делаю несколько размашистых гребков, чтобы быстрее согреться. Вдали простираются горы, усеянные деревенскими домиками с крышами из красной черепицы. На линии горизонта словно застыла яхта. Бешено режут скутера, разбрасывая за собой тучи брызг и пробуждая волны, которые скользят к берегу и затихают на полдороге.

Ярко-голубое небо кажется наполненным добром и счастьем. На губах – вкус соли, в ушах – неугомонный плеск волн, море баюкает тебя, точно свое дитя. Оно позволяет ощутить себя ничтожной частичкой могучей природы, забыть о повседневных тягостных заботах. Я чувствую себя таким же свободным, как чайка, низко пролетевшая над водой. Люди здесь для меня словно тени. Думаю о себе. Меня охватывает медитативное спокойствие.

Когда я, жизнерадостный, со счастливой улыбкой, возвращаюсь к нашему зонтику, Леша готов сбегать для меня за пивом.

– Зачем? – удивленно спрашиваю я.

– Хочу увидеть счастливого человека, – просто отвечает он. – Я помню, как ты говорил мне, что мечтаешь выпить холодного пива на пляже.

Я с благодарностью смотрю на него и соглашаюсь. Сейчас я, действительно, нуждаюсь в немногом...

Я внимательно разглядываю бутылку, покрывшуюся холодной испариной, нарочито медленно пью, наслаждаясь каждым глотком. Но следует понимать, что это удовлетворение обманчиво: пиво дарит тебе иллюзию бытия. Ты начинаешь воображать, будто все у тебя идет как надо, а если что-то и не так, то ты с этим легко справишься. Освободившись от беззаботного хмелька, ты вновь ощутишь неотступную тревогу и некоторую растерянность из-за внезапно утраченной веселости и, быть может, даже досаду, из-за того что твоя жизнь не изменилась ни на йоту.

Но сейчас я пью пиво с удовольствием. Повинуясь силе мысли, осуществляю свою давнюю мечту...

В полдень мы уходим с пляжа, чтобы вернуться ближе к вечеру. Солнце расстворилось. В его жгучих лучах нет былой ласки. А людям хоть бы что. Многие из них словно нарочно продолжают загорать на самом солнцепеке.

После купания и выпитой бутылки пива мир кажется необычайно благосклонным и радостным. Даже звучащая отовсюду музыка уже не раздражает.

Волшебное море и солнце, ваша щедрость поразительна! Как много вы даете, ничего не требуя взамен! Альтруизм природы, так и не понятый человеком.

Вечерние улицы загораются оранжевым светом фонарей и наполняются проголодавшимися людьми. В воздухе витают заманчивые запахи еды. Здесь не предвидится никакой революции, нет озлобленности в лицах. Никто никому не мешает. Здесь каждый сам по себе, один на один со своим одиночеством и заботами.

Столько ресторанов и зазывных криков, что впору растеряться. Я думаю только о том, как бы скорее где-нибудь сесть, иначе эти фальшиво-радушные крики добьют меня окончательно...

Красное вино разлито по бокалам. Леша сидит напротив меня, слегка напряженный, с застывшим лицом. Официанты снуют по ресторанной зале. Не похоже на то, что они угождают. Ловкие движения их рук вызывают восхищение, а ненавязчивость и уравновешенность – симпатию.

Друг отеческим тоном говорит, что за ужином полезно выпить бокал красного вина. Я в свою очередь замечаю, что эта рекомендация для нас не подходит, так как этот бокал мы легко превратим в бутылку. Тут уже точно никакой пользы не будет.

И мы дружно смеемся. Еще задолго до ужина я выпил две бутылки пива в номере. Я неплохо выпил, потому и веселый, хотя особых поводов для радости уже не наблюдается. Вино

туманит мою голову еще больше.

На меня накатывает благодушное отупение. Зачем куда-то идти ночью, если лучше всего после сытного ужина лечь спать? Но я не решаюсь признаться в этом Леше. Я обещал составить ему компанию. Он желает снять каких-нибудь девушек в клубе. И что естественно, употребить их этой же ночью, желательно на пляже. Главный критерий отбора – внешность, а все остальное малозначительно. Может быть, в силу нашего возраста или умственной ограниченности. Весь отдых мы вознамерились провести как животные. Вдоволь есть, отсыпаться, загорать, купаться в море и удовлетворять свою похоть. Главное ни о чем не думать. Абсолютно ни о чем. Не вспоминать дом, ненавистный университет и неприятных знакомых. Словом, мы пообещали себе начать новое существование с множеством удовольствий и безо всяких тревог.

Наевшись до отвала, мы выходим из ресторана и, громко смеясь, обсуждаем будущие события предстоящей ночи, сопровождая их скабрёзными комментариями, как будто знаем все наперед. Хмельное высокомерие на наших лицах, словно мы обладаем чем-то таким, что позволяет нам смотреть на других людей свысока. Разгульное наркотическое веселье овладевает нашими душами, и мы смеемся над любой мелочью, будь то мимика, слова, жесты. Все, что мы сейчас перед собой видим, неизбежно вызывает бешеный хохот. Кажется, мы потешаемся над всем миром.

Я чувствую, как меня покидают силы, – словно вампир, их неустанно высасывают эмоции. Они вечно голодны. Их робкий огонек разгорается постепенно, со временем превращаясь в пламя, захватывающее человека целиком...

Несмотря на долгие сборы Леша, я остаюсь в хорошем расположении духа. Наученный горьким опытом, я закрываю балкон, затем включаю свет и, лежа на кровати, смотрю клипы американских рэперов. На экране телевизора швыряют пачки долларов, рассекают шикарные машины, ритмично вытанцовывают сладострастные мулатки, и я отлично понимаю сущность жизни этих парней. Быть может, я и заблуждаюсь, но обвиняю их в примитивизме. «Телки». Деньги. Машины. Разве это не тривиально? Можно ли это назвать истинными ценностями? Бросьте, они давно уже об этом позабыли!

Впрочем, я с увлечением смотрю эти клипы. Не означает ли это, что я им просто завидую? Если дело обстоит именно так, то выходит, что моя критика абсурдна.

Нуждаюсь ли я в том, чем они уже обладают? Как я рассматриваю все это? Неужели как цель, достижению которой стоит посвятить всю свою жизнь?

Мыслительный процесс заставляет меня расхаживать по номеру, будто движение способно помочь мысли. Может и так, но я ничего не чувствую, кроме всепоглощающего опьянения. Я валюсь на кровать и тупо смотрю в потолок. Это не требует никаких умственных усилий...

Леша засел в ванной, точно мятежник в крепости, и не появляется вот уже час, и я начинаю раздражаться. Как-никак время близится к полночи, а мы даже еще не знаем, где находится образцовый клуб, который нам порекомендовали утром. Место разврата, где теряется настоящая жизнь.

Я кричу, чтобы Леша поторапливался: с его медлительностью мы точно никуда не успеем. Сколько можно возиться, будто он фрейлина какой-то императрицы.

Но я ворчу добродушно, чтобы его не обидеть. Искренняя дружба нуждается во взаимном снисхождении к слабостям друг друга, не терпит едких замечаний и фальшивых признаний и не требует пафосных слов. Она понимается трепетным сердцем.

Леша выходит из ванной, когда мои нервы уже на пределе, и сразу же ловит мой недовольный взгляд. Я негодную. Он, не обращая на меня внимания, продолжает так же неспешно собираться, словно ему торопиться некуда.

Виски, виски, виски! Я нетерпеливо сглатываю. Горло болит так, словно я проглотил иглы дикобраза.

Два стакана – как сама судьба. Я разливаю виски, разбавляя его яблочным соком. Для меня это в диковинку. Честно говоря, я виски и не пробовал.

– Может, лучше виски отдельно? – сомневаюсь я, но Леша разъясняет, что так легче пьется и пьянеешь быстрее. Он не раз заказывал такие коктейли в клубах Мегополиса.

Ну что ж, попробуем... Организм однозначно против это-

го коктейля. Отвращение во рту и легкое жжение в желудке. Черт бы побрал этот коктейль. После него горло саднит еще сильнее. Выпиваем еще немного, и Леша прячет бутылку в холодильник.

Ночью оживленный курорт горит множеством разноцветных огней и кишит шустрými зазывалами, которые суют тебе в руки флаеры и приглашают в неприметные клубы с танцовщицами go-go. На самом деле они предлагают заглянуть в бордель, коих здесь немало.

Широкая улица, ведущая к пляжу, – это сердце курорта. Дойдя до перекрестка, мы останавливаемся. Если идти прямо, то попадем на пляж. Параллельно ему тянется длинная узкая улочка с торговыми рядами, отелями, барами и ресторанами. Но куда повернуть? Направо или налево? Посомневавшись, все же сворачиваем влево и ищем клуб, полагаясь на удачу.

Мы все идем и идем. Я поглядываю по сторонам и чувствую, что пора возвращаться к перекрестку. Повсюду рдеют сигареты. Я чувствую их смрад. Неуютно в толпе.

– Пройдем еще чуть-чуть вперед, и если там клуба не будет, то разворачиваемся и уходим, – решительно говорю я.

Справа от нас, со стороны моря, трехэтажный отель из красного кирпича. В сгустившейся тьме под его аркой рычит невиданный рассерженный зверь и глядит на меня своими красными глазами. Его приземленный силуэт завораживает и вызывает благоговейный трепет. Я хватаю Лешу за локоть. Он-то должен знать. Он не может ошибиться. Друг за-

мирает и смотрит во тьму, как прирлицатель.

Зверь словно призадумался. Он рычит и не торопится явить себя на всеобщее обозрение. Но вот его рык становится еще выразительнее, сочнее, напористее, и он, вылетает из-под арки, будто стрела, выпущенная из лука, и останавливается напротив стеклянных дверей.

Наблюдать за тем, чего ты жаждешь, но чем пока не обладаешь, – нестерпимая мука. Чрезвычайно неприятное впечатление для умов, чье мерило жизни только деньги. Леша застыл на месте с таким видом, точно перед ним обрушился дом. Я тяну его за рукав пиджака, понимая, что надо убираться отсюда поскорее, чтобы лишний раз не разочаровываться в своей пустой и бесцельной жизни.

Около машины собираются зеваки. Есть и те, кто равнодушно проходят мимо. Их не задела эта алая чудо-машина, мечта миллионов. Хозяин Ferrari, по-видимому, очень доволен, что привлек к себе внимание. Как будто желая показать возможности машины, он несколько раз нажимает на педаль газа, и она оглушает разгневанным рыком всю округу. Меня пробирает дрожь.

Вспышки фотоаппаратов. Люди фотографируются возле машины. Благо ее владелец не запрещает – вероятно, это льстит его самолюбию. На Лешу увиденное производит сильнейшее впечатление. Он очень огорчен и начинает с экспрессией, обидой и злостью свой монолог о том, что в этой жизни ему ничего не надо. Он нервно твердит, что теперь его пси-

хика разрушена. Как я понимаю, во всем виновата Ferrari. Я невозмутимо слушаю его и думаю о том, что, пожалуй, тоже хотел бы иметь такую машину, но в то же время осознаю, сколько надо потратить сил и времени, прежде чем она окажется в моем гараже.

Леша, похоже, об этом даже не задумывается. Он хотел бы получить такую машину от судьбы задаром. Без трудностей и напряженных усилий. И прямо сейчас.

Этот клуб основательно затерялся среди множества отелей и ресторанов. Леша зло заявляет, что если мы этой ночью не найдем девушек, то он снимет проститутку. Он словно протестует против несправедливости жизни, желая таким образом отыграться. Только на ком? Жизнь всегда в выигрыше.

Я советую ему успокоиться. Ferrari в ближайшем будущем не предвидится. Так зачем же попусту терзать себя? Это ничем не поможет.

Но бесполезно что-либо объяснять, стоит эмоциям захлестнуть человека. Он уже неудержим и не слышит ничего, кроме бушующих в нем чувств. Он отдаляется от действительности и погружается в себя. Стоит его побеспокоить, задеть неосторожным словом, как вмиг станешь объектом раздражения. Тебя снесет волной негодования, и ты можешь пожалеть, что не смолчал, не остался хладнокровным к его никчемным словам.

Мы попали бы в этот клуб, если бы на перекрестке ме-

ня не заметила одна из проституток. Она мигом подскочила ко мне и, коротко поприветствовав, без всяких обиняков предложила «fucku-sucky». Кровь прилила к моему лицу. Я несказанно смутился как мужчина, никогда не слышавший столь откровенных предложений, и тут же, во избежание лишних соблазнов, отрывисто сказал «нет» и отвернулся. Подошла ее подруга, высокая смуглая девушка с вьющимися черными волосами и выразительными карими глазами. Одета она была в короткие белые шорты и голубую кофточку. Одежда облегла ее упругое, еще не истасканное тело начинающей проститутки.

Поняв, что я их снимать не собираюсь, они быстро потеряли ко мне всякий интерес и принялись болтать с Лешей. Он уже деловито осведомляется о цене и месте, поскольку я его предупредил, что шлюх в нашем номере не будет. Он не спорит со мной, и, наверное, к лучшему, потому что сейчас я настолько агрессивен, что готов сцепиться с ним из-за любой мелочи. Я смотрю на этих проституток с нескрываемым презрением и, быть может, даже с обидой. Я чувствую себя глубоко оскорбленным. Неужели я так низко пал, что ко мне проявляют интерес только шлюхи, да и то из-за денег? Выходит, в этом мире я никому не нужен?

Пока эти мысли мучают меня, Леша соглашается на секс. Он готов на все что угодно, только бы переспать с какой-нибудь девушкой этой ночью. У меня и до того было предчувствие, что он не выдержит и сдастся первому же искушению.

Я пробую переубедить его и говорю, что не все еще потеряно, что вся ночь впереди, что где-то рядом этот заветный клуб, где мы обязательно снимем более-менее приличных девушек. И, в конце концов, если за три недели отдыха у нас ничего не выйдет, то он всегда сможет купить проститутку, здесь их предостаточно.

Я боюсь остаться один, не хочу возвращаться в номер, где буду наедине с этой глубинной болью обрушившихся иллюзий, где встречу лицом к лицу со своей ненужностью. Я нуждаюсь в обществе друга как никогда. Но Леша непреклонен. Он меня не слышит и позабыл обо всем. Он даже готов взять такси, чтобы съездить в отель за деньгами и быстро вернуться.

Проститутки обещают его подождать. Я молчу. Что мне еще остается делать, когда все уже решено? Леша идет так быстро, что я едва успеваю за ним. Он боится, что они могут уйти раньше времени с другими клиентами. Я знаю, что мы идем не в ту сторону, но помалкиваю, надеясь, что он одумается или, когда мы вернемся, шлюх там уже не будет.

Я вновь пытаюсь отговорить Лешу от столь скоропалительного решения. Он морщится и в который раз утверждает, что его психика разрушена из-за Ferrari и что он больше так жить не может. Я слушаю его нытье с ехидцей. До чего слеп человек! Да у него возможностей на три Ferrari, только усердно работай! Вся проблема заключается в том, что он хочет получить желаемое, не напрягаясь. Он жаждет найти

прииск и приходиться туда только за мешками золота, специально для него составленными в ряд. Он желает быть всемирно известным ученым без совершения каких-либо значимых открытий. Он мечтает быть донжуаном, не умея соблазнять женщин; он хочет стать крупным дельцом, не обладая проворством и решительностью. И это заблуждение настолько укоренилось в нем, что, пожалуй, если от него не отказаться и не начать действовать, то жизнь будет всегда награждать Лешу увесистыми тумачами, и он станет спотыкаться на каждом шагу с мыслью, что все и вся в этом мире против него. А все из-за того, что он отвергает труд и усердие. Это для него как проклятье. Вот что я думаю по поводу всей этой истерики.

Что должно случиться, того не избежать. Леша вспомнил дорогу к отелю...

В номере он необычайно проворен. Подбегает то к зеркалу, то к тумбочке, роясь там в поисках денег, брызгается парфюмом, словом суетится так, будто опаздывает на важную встречу. Я безучастно сижу на кровати и смотрю перед собой. Мне кажется, что это предательство. Я порядком выпил и поэтому происходящее видится мне не менее существенным, чем если бы этот отель рухнул. Леша каким-то виноватым голосом говорит, что не понимает, почему я отказываюсь от шлюхи. Почему? Да что тут непонятного?! Я взбешен этим наивным вопросом. Венерические заболевания! Грязь и позор! Я буду чувствовать себя настоящим ничтожеством,

если осознаю, что могу снять женщину только за деньги!

– П**дуй к шлюхам! Не трогай меня! – кричу я.

Леша молча уходит, судя по всему, так ничего и не поняв.

Все! Мне больше такой отдых не нужен! В голове – вакханалия. Тело сотрясает мелкая дрожь, горло словно проткнули тысячи иголок, лоб горячий и влажный. Я закутываюсь в простыню, поворачиваюсь на бок, и меня бросает то в жар, то в холод. Я скорее сойду с ума, чем выдержу еще одну такую бессонную ночь. Мои нервы расшатаны до такой степени, что мне хочется вскочить с кровати, одеться и идти, куда глаза глядят. Еще я думаю о том, что, быть может, проститутки заразят друга чем-нибудь вроде сифилиса или триппера, и я тоже каким-то образом подхватчу эту дрянь.

В голове мигом созревает план спасения. Я уберу все свои туалетные принадлежности и полотенца из ванной и попрошу отселения в другой номер, только бы не заразиться. Но эти мысли исчезают так же быстро, как и появляются. Я начинаю волноваться, что Леша слишком долго нет. Я со страхом думаю, что его могли ограбить на пляже, или случилось что-то худшее. Эти переживания были невыносимыми.

Дверь закрыта, но вместо того, чтобы спать, я жду, когда вернется Леша, так как он не взял с собой ключ – то ли из опаски его потерять, то ли по рассеянности. Я только и фантазирую, что может случиться плохого, – в большей степени со мной, чем с другом. Пребывая в ужасном смяте-

нии, я строю самые невероятные домыслы, достойные сценариев лучших криминальных фильмов. На всякий случай я прячу перочинный ножик под подушку. Я весь вспотел. В голове стучит, словно дребезжат детали в разладившемся механизме. Я ненавижу всех на свете и больше остальных себя. Чем сильнее я заставляю себя успокоиться, тем крепче меня держит тревога. Я не знаю, как выдержал эти бесконечные часы ожидания, показавшиеся мне настоящей вечностью.

Стук в дверь возвращает меня в реальность. Я настораживаюсь.

– Это я... – слышится голос Леша.

Открыв дверь, я ложусь в постель и, отвернувшись к балкону, делаю вид, будто сплю. Комната тотчас же наполняется напряженностью. Она сдавливает меня невидимым прессом и становится еще невыносимее, оттого что Леша как назло не спешит укладываться и бродит по номеру, шурша какими-то пакетами. Я едва сдерживаюсь, чтобы не разразиться бранью, настолько меня раздражает это копошение.

Я заблуждался, полагая, что ночной мрак приютит меня, избавив от страданий. Я пытался заснуть, но безуспешно. Меня не отпускала дрожь. Вслушавшись в тишину, я решил, что Леша уже заснул. Тихо поднявшись, я оделся и едва слышно скрипнул дверью балкона. На небосводе сияли звезды, извечные символы недостижимого счастья. Ночь пела голосами птиц и привольно дышала свежим ветром. Блеклые лучи прожекторов устремлялись в небесную высь вда-

леке. Нескончаемо стрекотали цикады. И в этом волшебстве звуков я обрел то, чего мне так сильно до сих пор не хватало. Спокойствие. Оно было во всем.

Ночь не торопилась уходить. Я сидел на стуле, возле перил балкона, точно уставший путник на придорожном камне, и наслаждался каждым ее мгновением. Ночное уединение и созерцание принесли долгожданное освобождение от страстей и тревог.

Но мое тихое счастье закончилось гораздо быстрее, чем я того ожидал. Я не успел толком поразмыслить о своей жизни, как балконная дверь скрипнула, и мое уединение было нарушено. Больше всего на свете я хотел побыть в одиночестве, поэтому вновь ощутил раздражение. Я не был сейчас расположен к душевным излияниям и выяснению отношений. Не хотел осквернять эту ночь неуместными словами и нелепыми мечтами. Она казалась настолько необыкновенной, что с моей стороны было бы настоящим безумием желать чего-то еще. Я не смотрел на друга и чувствовал возраставшее напряжение.

Вдруг Леша заговорил чуть дрожащим, приглушенным голосом и окончательно развеял безмятежность этой магической ночи. Мне были неприятны его извинения, так как не считал их необходимыми, и желал, наверное, впервые в своей жизни, созерцательного одиночества. Того одиночества, которое я так часто проклинал и с которым безуспешно боролся! Но сейчас его не было. Оно вероломно ускользну-

ло, когда я в нем так сильно нуждался.

Я слушал друга с глубоким равнодушием и вяло расспрашивал о том, как все прошло, ощущая при этом безмерную усталость, поглотившую меня целиком. Вначале он пытался изобразить жалкое удовлетворение, рассказывая о рядовых шлюхах, как о каких-нибудь необычайно красивых девушках, но его разочарованный вид говорил сам за себя. Леша сказал, что в сексе нет ничего особенного. Дернулся несколько раз и все. Он употребил обеих. После того как все закончилось, он выкурил сигариллу и прогулялся у моря. Леша рассказывал долго.

– Я их, короче, спросил, как выгляжу. Ну, они засмеялись и сказали, что нормально, только худой. Надо больше кушать... Та, кучерявая, работает училкой в школе. Ей девятнадцать лет. Говорит, что только этим летом начала заниматься проституцией...

– Ясно, – отвечаю я, чувствуя ко всему полнейшее безразличие. Во мне необъятная пустота, справиться с которой невозможно.

Все это время я размышлял о своем. Он почувствовал мою отрешенность и спросил, о чем я думаю. Я не хотел отвечать ни на какие вопросы, но все же, сказал что-то мало-вразумительное. В его обществе я чувствовал себя тоскливо и мечтал об утраченном уединении, которое все еще казалось мне возможным. Для этого достаточно было пройтись по ночному курорту, сходить к морю и, став на пирсе, со-

зерцать серебристую дорожку холодного лунного света, павшую с необозримых небес на бегущие волны, чей плеск — как умиротворяющий шепот.

Но Леша, словно не чувствуя моего внутреннего состояния, выразил желание пойти вместе со мной. Мне не хватило решимости отказать ему. И я, раздираемый неудовлетворением, согласился. Между прочим, он нашел тот самый клуб, до которого мы так и не добрались. Я устало вздыхаю и прошу Лешу показать, где он находится. Надо же извлечь из прогулки хоть какую-то пользу. Я не хочу идти на море вдвоем. Думал разрешить там свои переживания, а они требуют уединения.

6

Пачка сигарет в кармане. Пустота в душе и навязчивое желание совершить что-нибудь выдающееся. Очередь за билетами у входа. В клубе ты теряешь себя и подчиняешься какому-то негласным законам, порой поутру удивляясь своим безрассудным поступкам. Там легко заблудиться и не найти обратную дорогу к себе.

Мне неуютно в этой мясорубке человеческих душ. Поэтому, чтобы забыться, я нуждаюсь в алкоголе и сигаретах. Я должен напиться до чертиков, нести всякую ерунду, и все это для того, чтобы грядущим утром было крайне стыдно за свое поведение, чтобы этот стыд обжигал душу раскаянием.

В клубе полным-полно людей. Все разговаривают на разных языках, но по сути желают одного и того же. Безудержного веселья, алкоголя и совокупления. На эти трех доминантах зиждется их программа на текущую ночь, а, может, и на всю оставшуюся жизнь.

Я и Леша нерешительно поглядываем на занятые диваны. Желая казаться парнем, которому на все наплевать, закуриваю и с пренебрежением, как будто я зашел в грязный портовый кабак, оглядываю присутствующих. Вокруг пустые и надменные лица. Эти люди ни за что не признаются, что им здесь скучно. Они не поведают вам историю своей жизни, испугавшись возможного осмеяния, и предпочтут замкнуться-

ся в иллюзорной радости. Так и ищут друг друга заблудшие души. Совокупляются в надежде спастись от самого себя, той внутренней пустоты, которая не дает им покоя. Здесь все скоротечно, поверхностно и бессмысленно. Люди съезжаются и разъезжаются. Сегодня она спит с одним, завтра с другим.

Этот клуб – настоящая канализация жизни. Безответственность в поведении, беспорядочность связей, сочиненная любовь и надуманная трагедия – вот что характеризует этих прожигателей жизни. Их жизнь слишком убога, для того чтобы они могли лишиться себя всех этих пошлых развлечений. Они любят болтовню, лживые сплетни и чужие потрясения, не задумываясь о том, что их личная трагедия еще впереди, и то время, которое они здесь растрачивают впустую, может быть использовано иначе. А потом, когда выбираться из канализации уже поздно, выдавливают из себя показательные страдания. Когда их лица приобретают нездоровый цвет, тщетно скрывают его за косметикой и загаром, безжизненный взгляд прячут за модными солнцезащитными очками. Сердца их плесневеют жестокостью. Всю их потасканность не скроешь, не замажешь никакими кремами. Она видна любому, кто едва взглянет на них.

Я нахожусь здесь лишь потому, что мне нечем заняться. Я такой же бездельник, такое же озабоченное существо, как и все вокруг, ищущие сейчас удовлетворения животных потребностей. Неподалеку ритмично пританцовывает девушка

невысокого роста, с напыленным лицом, изъеденным пороком, и дамской сигареткой в губах. Одна зияющая впадина между ног. Я надеюсь, что ее тело успокоит меня, избавит от этой невыносимой тревоги. Я за то, чтобы этой ночью она валялась в моей койке. Всем своим видом она показывает, будто ни в ком и ни в чем не нуждается. Но я ведь знаю, что это неправда.

Я показываю взглядом Леше на эту вульгарную девушку, похожую на шлюху. Он мотает головой и морщится. Я недоуменно пожимаю плечами: меня устраивает.

Жаркий климат и сытная пища делают свое дело. Я не могу устоять перед любой мало-мальски привлекательной девушкой. Счастье, что я еще не совершил каких-нибудь безрассудств, о которых впоследствии пришлось бы пожалеть. Однако они еще впереди. Идеальным быть невозможно. Я отдыхаю пороками и умираю душой...

Она посылает меня куда подальше. И все же ночь еще длится, и я могу сорвать свой джек-пот. Физиономию друга как будто стянуло ледяным намордником.

Он слегка оживляется, когда я вспоминаю о сигарах. Леша обещал посвятить меня в это таинство. Его радует, что я научусь курить сигару под его руководством. Сигара – это суррогат уверенности, которой нам так не хватает, и мнимый признак обеспеченности. Кроме нас их здесь никто не курит. Конечно, я понимаю, что сигары – это блеф, но, в конце концов, надо же чем-то заняться.

Леша говорит, чтобы я не торопился и внимательно наблюдал за его действиями. Он становится на удивление спокойным и сосредоточенным.

– Так... теперь прогревай. И запомни, никогда не пользуйся зажигалкой. Так не принято. Сигару поджигают только спичками.

Я раскуриваю сигару и выпускаю первое облачко дыма. Его аромат обволакивает мои ноздри, и я попадаю словно в другой мир. Только крупички табака, изредка попадающие на язык, не дают мне возможности окончательно забыться. Леша, закрыв глаза, курит с блаженным видом. Он хвалит меня и довольно говорит, что для новичка я превосходно курю сигару. Выпуская дым в попадающие на мое лицо, я таким образом выказываю пренебрежение к общепринятым нормам поведения, которые мне так ненавистны. Я редкостный циник!

Ступеньки железной лестницы, ведущей на первый этаж, мокрые. Стоит оступиться, и я полечу вниз, словно неудачно прыгнувший лыжник с трамплина. Это могло бы стать достойным осмеянием моего тщеславия. Но я...

Красота – словно пуля, пробивающая сердце навывлет. Эта красота сковывает тело, точно смертельная инъекция, сбивает дыхание, как долгое восхождение на горную вершину. В одно мгновение я словно опьянел: мысли бешено кувыркаются в голове, и я совсем ничего не соображаю.

Оторопь, безумие, изумление, восхищение, безграничная

нежность, отторжение прошлого и сладкий миг настоящего – все это сливается во мне воедино. В одно-единственное желание обладать ею во что бы то ни стало.

Кто я и зачем я здесь, теперь не имеет никакого значения. Я люблю ее смуглой кожей, смоляными волосами, волнующей глубиной чарующего взгляда, чувственными губами и влекущей полуулыбкой. Наверно, она одна из тех звезд, что изредка падают с небес на Землю.

Я иду вперед, как лунатик, и выбрасываю сигару за ненадобностью. В ее лице – тысяча жарких ночей, в глазах – надменность царицы. В ее юном теле – грациозность лани и свежесть утренней росы. Она притягательна, как зыбкий огонек в крошечной тьме. Она – зов моего пробудившегося сердца. Она – та красавица, перед которой спасовало мое воображение. Она – та самая девушка, которую я так долго и отчаянно искал. Быть может, наконец-то, пора моих терзаний прекратится...

Ее обворожительность, упоение юностью, изящность линий тела влекут меня так сильно, что я забываю себя. Мои мысли, точно сухие листья, гонимые осенним ветром. Вот он, мой идеал!

Я, пронзая ее страстным взглядом, говорю комплименты. Она молчалива, слегка пьяна и беззаботна. Я тщетно пытаюсь вызвать ее на разговор. В какой-то момент она просто перестает обращать на меня внимание и начинает шептаться со своей подружкой. Она смотрит на меня так, будто я

ничто, будто я прозрачнее самого воздуха. Я пытаюсь выдавить из себя что-то вразумительное, чтобы сохранить лицо, но горечь болезненного поражения уже отравляет мою душу. Ее не обманешь. Я молод, неопытен и еще только подаю какие-то надежды, которых и сам толком не знаю. И для меня – это печальное и вместе с тем необходимое откровение.

Я не тот парень, с кем бы она хотела быть рядом. Все страдания оживают вновь, становясь еще сильнее и неумолиме. Они рвут меня, словно жадные до падали стервятники.

Одним словом, для этой сербки я зеро. Ее холодный взгляд и равнодушие говорят о том, что она не нуждается во мне. Даже влюбленность не может возникнуть по принуждению, что уж тут говорить о ее высшей форме – любви!

Я еще раз пытаюсь как-то завязать разговор, но она продолжает молчать. Ее подруга, бойкая девушка с золотистыми волосами, набрасывается на меня с расспросами. Она все это время как будто ждала своего часа. Из вежливости я отвечаю и что-то спрашиваю, но, честно говоря, я здесь только потому, что во мне еще тлеет иллюзорная надежда на благосклонность этой неприступной брюнетки. Я чувствую, что ничего из этого не выйдет, но все равно не желаю уходить. Не странно ли это?

Блондинка, между тем, продолжает щебетать обо всем на свете. Я узнаю, что она пловчиха. Размахивая передо мною купальными трусиками, она предлагает искупаться в бассейне, который от нас всего лишь в нескольких метрах.

Я вежливо отнекиваюсь и говорю, что эти трусики она могла бы подарить мне. Она со смехом отказывается и тут же ошарашивает меня новой просьбой. Она хочет, чтобы я ее поцеловал прямо сейчас! Пожалуй, такого еще со мной не случилось. Не это ли издевка судьбы? Я в замешательстве смотрю на девушек и отшучиваюсь тем, что предлагаю поцеловать их по очереди. На это я готов ради прелестной брюнетки. Если она согласится, то я поцелую ее первой. А что будет дальше, не имеет никакого значения. Но она смотрит на меня с оттенком легкой неприязни и, судя по всему, не разделяет моего порыва. Ее подруга повторяет свою просьбу. Я делаю вид, будто не совсем ее понимаю. Тогда она обхватывает мою голову руками и притягивает меня к себе. Поцелуй выходит затяжным и страстным. Она покусывает меня за нижнюю губу, старательно облизывает ее и тем самым подстегивает мою похоть. Когда все заканчивается, я машинально поворачиваю голову и вижу неподалеку, точно призрака моей совести, Лешу, о существовании которого я совершенно забыл. Брюнетка все так же невозмутима. Что же я натворил! Теперь у меня наверняка нет никаких шансов! Горьким разочарованием я расплачиваюсь за кратковременное помутнение рассудка, за этот сладостный дурман, казнь моих мечтаний.

Я обещаю блондинке вскоре вернуться и быстро ретируюсь, зная, что возвращаться не собираюсь. Злая насмешка над самим собой!

Коротко рассказываю Леше, как обстоит дело. Он изумлен случившимся не меньше моего и замечает, что от меня пахнет чем-то сладковатым и, скорее всего, та девушка, с которой я целовался, была обкуренной, потому на меня так и накинулась. А что касается этой великолепной брюнетки, то у него просто нет слов. Она выше всяких похвал.

На душе тошно, как будто я весь извалялся в грязи или сделал что-то очень гадкое. Я мучаюсь вселенской тоской. Я не могу так просто выбросить из головы эту смуглую красавицу. И я свирепею от мысли, что кто-то из потенциальных поклонников сможет заслужить ее благосклонность на ночь. Я думаю только об одном: скорее бы вернуться в отель и замкнуться в своей печали от всего мира. Я не из разряда тех людей, которые иронизируют по поводу своих неудач и выискивают в них что-то хорошее, убеждая себя при этом в том, что в их жизни произойдет еще немало увлекательных событий. Нет и еще раз нет! Хватит этих мудрых изречений и несбыточных надежд.

Вот настоящее! Вот полотно твоей жизни! И если ты изорвешь его во имя грядущего, не познав его сущности, то твое будущее превратится в такие же ошметки.

Пожалуй, этот день отраден для меня лишь тем, что я помирился с другом, разобравшись с бурлившими во мне чувствами. Вся сложность близких отношений в том, что появляется множество мельчайших поводов для разногласий. Это объясняется уникальностью каждого человека, и все же,

несмотря ни на что, всегда есть много общего. Я пришел к выводу, что вчерашнее – не повод для какой-то мелкой и кривоногой обиды. Ведь никто не запрещал мне идти в клуб одному, да и Леша уже вышел из того возраста, когда на все надо спрашивать чьего-то разрешения. Каждый имеет право на свой выбор, каким бы он ни был. Отказываясь от выбора, человек перестает быть человеком. Он становится объектом чьих-то манипуляций, в том числе и своих. Так что нет здесь никакой трагедии, которую я так старательно пытался себе внушить. Напившись так сильно, как я вчера, трудно оставаться в здравом рассудке. Я вел себя как обезумевший зверь, с неуголимой злобой кидающийся на прутья железной клетки. Только этими прутьями было мое собственное бессилие, которое я себе создал. Ведь на самом деле человек способен на многое. Но как часто мы начинаем себя ограничивать и губим в зародыше самые лучшие начинания! Как часто мы начинаем что-то выдумывать, строить изощренные козни против себя самого! Вчера я мог что-то сделать, что-то увидеть, что-то познать, но предпочел укрыться в мнимом бессилии. Спрятаться от того человека, каковым являюсь. Я легкомысленно отказался от поединка с неопределенностью, переменчивостью обстоятельств и предпочел всему этому бессмысленное ожидание чего-то, буйство разыгравшейся фантазии и шквал эмоций.

Мне как будто неудобно за свое вчерашнее малодушие пе-

ред другом, и потому я хочу как-то исправиться. Благо возможность для этого находится достаточно быстро. Я замечаю, что Леша побаивается знакомств с девушками. В том, что он хочет переспать с кем-нибудь из них, я не сомневаюсь ни на секунду.

И его нерешительность заставила прибегнуть меня к некоторому давлению, которое, в свою очередь, сдвинуло его с места. Вот в чем одно из преимуществ настоящей дружбы! Когда ты не знаешь, что делать, есть друг, готовый тебе помочь, чтобы ты наконец-то отбросил все свои надуманные страхи и стал вести себя естественно. Порою жесткий и энергичный призыв к действию оказывается гораздо эффективнее долгих разговоров и осторожных намеков.

Леша живо бросается знакомиться и вскоре делится со мной первыми неудачами, которые, впрочем, не отбивают его желания к дальнейшему продолжению охоты. И это меня радует. Главное не сдаваться, а там что-нибудь да выйдет. И результат будет лучшим, чем если сидеть сложа руки и ждать снисхождения от жизни. Его не будет.

Другая точка мира, другие времена, а девушки все те же. Леша полон негодования, и я разделяю его переживания, вспоминая свое прошлое, то, сколько раз я попусту расстраивался, возмущался, не понимая очевидного. То, что не стоит ждать от легкомысленной девушки каких-то серьезных чувств, а, тем более, верить ей на слово. Шлюха так и останется шлюхой, как бы она ни старалась казаться девушкой

из благополучной семьи. Ее сущность неминуемо проскользнет в речи. Да и манеры...

Особенно смешно, когда внешний облик какой-нибудь сладострастной блудницы наделяешь чертами целомудренной возлюбленной, а затем неподкупная реальность со всей свойственной ей резкостью раскрывает чудовищный диссонанс между ангельской красотой и убогим нутром, низвергая ее тем самым с пьедестала. А ведь хочется жить без потрясений. Однако они неминуемы: без них вся жизнь обернулась бы величайшей иллюзией...

Ночь пролетает как миг. Вскоре брызнут первые лучи рассветного солнца, а мы, изможденные и безрадостные, возвращаемся в отель, встречая на своем пути таких же прожигателей жизни. Мои нервы – точно рваные струны.

За окном уже светло. Я хочу остановить бесконечный поток мыслей. Он угнетает меня, мучит, не дает мне покоя. Леша – счастливчик. Он засыпает быстро, и я уже слышу его размеренное дыхание. Все думаю о той сербке, которой я не нужен. Теперь все пошло наперекосяк. К тому же я сам окончательно испортил свое положение. Честное слово, я бы и не думал об этом, да все никак не выходит! Мне до того тошно и одиноко, что я, не выдержав этого безмолвного лежания, этой мерзкой бессонницы, достаю из холодильника бутылку холодного пива и, укрывшись одеялом, открываю ее и жадно пью прямо из горлышка.

Я осознаю, до чего же нелепо пытаться утолить пивом со-

вершенно иную жажду. Жажду любви. Я ведь так нуждаюсь в той сербке. Я вовсе не думаю о блондинке. То, что произошло с ней, – случайная глупость, ставшая фатальной. Неумолимые видения проносятся перед глазами.

В который раз мои мечты рассыпаются по ветру песком барханов, умирают, словно капли дождя в удушающем зное. Пустая бутылка стоит возле кровати, а я все равно не могу уснуть.

Пляж успел опротиветь. Этот долгий путь по знойным улицам, этот зыбучий песок, в котором каждый раз приходится укреплять зонтик; мокрые полотенца, отдающие неприятным запахом; нескончаемое першение в горле – как меня все это раздражает!

Бодро вышагивая, с рюкзаком на плечах, Леша походит на заядлого путешественника, которому все нипочем, а я – точно обуза – не успеваю за его шагом и постоянно морщусь, будто иду по битому стеклу. Он словно принял у меня эстафету бодрости.

Море уже не тождественно счастью. Мне наскучило валяться на пляже, натираться кремом и купаться. Да и, к тому же, многие женщины загорают топлес – даже старуха неподалеку не постеснялась обнажить свое бывшее богатство. Я ухмыляюсь. Разве не сумасшедшая? Леша отчаянно матерится. Отвратительное зрелище! Неужели, прожив столько лет, трудно догадаться, что ты уже далеко не сексуальная девушка, и твоя грудь никого не интересует, разве что вызывает в лучшем случае недоумение?!

Мой пессимизм подогревается плохим самочувствием, скукой и неудовлетворенностью собой. Мы с Лешей, точно непризнанные гении, обмениваемся эмоциональными фразами и замолкаем лишь когда вволю наговорились и почув-

ствовали, как охватывает наши души тоскливое опустошение.

Пляж становится настоящей экзекуцией, после того как я замечаю одну упитанную девушку. Она лежит напротив нас, на полотенце, подставив спину палящим лучам солнца, и читает книжку в мягкой обложке. Наверное, какой-нибудь бульварный роман. Впрочем, не важно, что она там читает. Ее кожа молочно-розовая, как у младенца. Я украдкой посматриваю на нее. Устав читать, она захлопывает книжку и, слегка приподнявшись на локтях, открывает свою роскошную грудь с большими сосками. Такое чувство, что она нарочно демонстрирует ее, игриво нас подраживая. Невероятно трудно не заметить наши пристальные, алчущие взгляды, замершие на ее бюсте. Леша восхищенно качает головой и матерится. Как быть? Я пожимаю плечами. Леша уходит купаться. Я, неотрывно наблюдая за незнакомкой, как обычно, остаюсь сторожить вещи. Мечта художника!

Время от времени она поглядывает в мою сторону, и в эти моменты я изображаю безразличие или рассеянное созерцание живописного моря. Проходит какое-то время, и девушка собирается уходить. Я, из малодушия, оправдываю себя тем, что должен приглядывать за вещами, поэтому не могу воспрепятствовать ее уходу.

Когда возвращается Леша, незнакомки уже нет.

– Надо было мне плевать на все и бежать за ней! – восклицаю я.

– Баран! – с притворной злостью отвечает Леша и восхищенно добавляет: – Такая телка! Такая телка!

Досадно, она ведь тоже бросала в нашу сторону заинтересованные взгляды...

Чем можно заняться вечером? Что искать среди этих бесчисленных отелей, баров, ресторанов и клубов? В них нет ничего примечательного. Пожалуй, за исключением девушек. Они здесь чудесны. Взглядом голодного волка я рыскаю по толпе. Везде одни парочки влюбленных, а свободные девушки, по-видимому, еще прихорашиваются в номерах: принимают душ, натирают свои тела душистыми маслами, делают маникюр, брызгаются духами, надевают самые соблазнительные наряды – словом, делают все возможное, чтобы продать себя этой ночью подороже. На худой конец, можно отдаться и за поездку на какой-нибудь дорогой машине.

Ужинаем в китайском ресторане. Восточная культура притягивает меня, точно магнит. Я хочу попробовать что-нибудь экзотичное, например, жареное мороженое.

Официант несколько перебарщивает с услужливостью, превратившейся в приторную фальшь «угодливого лакея капиталистического мира». Леша, словно нувориш, готов расщедриться на все что угодно, а я, как Гобсек, готов жевать заплесневелую корку хлеба, лишь бы сохранить деньги. Он так же расточителен, как я скуп. И мне кажется, что эти крайности рано или поздно должны уравновесить друг друга. Дружба – это ведь неизбежное взаимовлияние. Настоя-

щим друзьям позволительно делать такие замечания, которым малознакомый человек искренне бы оскорбился, словно на него сбросили тухлые яйца. На самом деле он к тебе равнодушен, и ему плевать, как ты живешь, о чем думаешь и мечтаешь. Случись что с тобой – и он об этом даже не узнает. А если и узнает, то быстро, если не сейчас же, забудет.

Тем временем приносят заказ. От жареного мороженого я счел благоразумным отказаться. Порции такие огромные, что я начинаю беспокоиться, съем ли все до конца. Щедрые китайцы! За такие деньги в европейском ресторане тебе налили бы только бокал самого дрянного вина. Даже моя скудость немедленно умолкает.

Наевшись до отвала, крикнув и ощутив прилив животного удовлетворения и неодолимой сонливости, мы идем в отель, чтобы вновь целиком погрузиться в нудные сборы. Все ради клуба! Бриться, мыться, смотреть телевизор, ждать, когда освободится ванная, и томиться скукой! Вот и все занятия на несколько часов! Почему я настолько отупел, что меня совершенно не интересуют книги? Я поспешно отмахиваюсь от этого неприятного вопроса и переключаю на другой канал, ожидая, когда Леша выберется из своей «гавани». Как же все примитивно и бессмысленно!

Это не жизнь, а какая-то жалкая поделка уличных бездарей, мнящих себя мастерами.

На этот раз, правда, мы решаем несколько разнообразить свой досуг. Есть же еще другие клубы – может, там будет

веселее...

Но до чего же я глуп: разве все клубы не одинаковы? Разные интерьеры, публика, но суть все та же... Выпивка и праздность. Экзальтация и похоть. Но мы не можем предложить себе ничего лучшего и поэтому, не желая, чтобы ночь прошла даром, идем в наш любимый клуб. Те, что были поблизости от отеля, нас разочаровали.

Привычный путь. Как он надоел! Но, увы, другой дороги нет. Злосчастная улица, ведущая к морю. С утра до ночи – толпы людей. К вечеру она сверкает разноцветным неонам. Чтобы спустить деньги, не стоит утруждать себя поисками: все под рукой. Не дойдя и до середины улицы, мы останавливаемся, словно раздумывая: а не стоит ли зайти в ближайший бар и хорошенечко там надраться, вместо того, чтобы идти в такую даль? Вы не представляете, как мы истосковались по русской речи! Неподалеку от нас стоят два парня. Судя по их лицам, они озабочены тем же, что и мы, и не знают, как лучше провести эту томительную ночь.

– Это точно русские, – лихорадочно шепчет Леша. – Я по лицам вижу. Сто процентов не иностранцы. Давай подойдем.

– Давай. Кто заводит разговор?

В сущности, не так важно, кто начнет говорить. Гораздо важнее то, что нас станет больше. Мы не так одиноки, как прежде.

Не мешкая, мы подходим к ребятам, и едва я успеваю ска-

зять первое слово, как их лица светлеют. Озабоченность сменяется воодушевлением.

Отлично, вчетвером не так уж и тоскливо. В конце концов, всегда можно напиться и учинить какой-нибудь знатный дебош, который, спустя долгие годы, будет вспоминаться с улыбкой. Молодость славится безрассудными поступками.

Максим, высокий и крепкий брюнет, с мужественными чертами лица, искренностью, веселостью и словоохотливостью располагает к себе. Он внушает мне доверие с первых же минут знакомства. Его приятель, Игорь, во всех отношениях проще. Неповоротливое мышление, и скудная речь. Он хочет напиться, когда ночь еще только началась и сулит нам немало приключений.

Я не против такого предложения, только как-нибудь позже. Для начала следует развлечься с какими-нибудь девушками. В этом вопросе я нахожу полное понимание у Макса и Леши. Макс, иногда раздражаясь, покрикивает на Игоря и одергивает его, когда тот говорит что-то глупое или упрямится. Мы с Лешей понимающе переглядываемся и добродушно посмеиваемся над Игорем. Все его сегодняшние устремления сводятся к водке.

Игорь напоминает мне тех русских парней, которые, напившись до чертиков, выясняя отношения в драках с такими же типами, как они, ищут пьяной справедливости и развлечений. И ради победы они, сидя в полицейском участке, преисполненные гордости и, быть может, патриотизма, готовы претерпевать любые лишения.

Я не обманываюсь в своих ожиданиях: Игорь охотно рассказывает о какой-то потасовке, случившейся после пьянки со шведами. Он действительно чем-то смахивает на скандинава. Светло-русые волосы, серо-голубые глаза, отчаянная решимость на лице, бледная кожа, не поддающаяся загару, и крепкое телосложение. Вылитый викинг!

В клубе мы занимаем столик близ бассейна, в самом эпицентре событий ночной жизни. Глазами я ищу сербку, чтобы показать ее Максиму. Мне хочется, чтобы он оценил мой вкус. Но ее здесь нет.

То и дело слышатся всплески воды. Бассейн пользуется особой популярностью. Пошлость опьяненного рассудка.

Хохот, крики, визг. Кто-то плавает, кто-то обнимается у бортиков, выражая таким образом свою любовь на публике, точно ожидая при этом общественной оценки, как будто глубинные чувства недостаточны сами по себе. Вакхический восторг! Оглушительно громко играет музыка. Экзальтация! Суррогатное счастье! Эфемерная жизнь! Вот оно, настоящее веселье! Хватай его! Спеши насладиться! Все происходящее напоминает мне театр, а люди – актеров. Вы только посмотрите, как они забавно играют! Как они усердствуют, чтобы не быть самими собой! Этому даже не надо учиться! Схватывается мгновенно! Тем не менее, мы не уходим отсюда. Макс пьет В-52, перед Игорем – бутылка пива, и мы держим совет, что делать дальше. Разумеется, надо снять каких-нибудь девушек. Иначе вся ночь пройдет впустую. Я знаю, что если буду держаться Макса, то вдвоем у нас что-нибудь да получится. Он парень ушлый, энергичный. С ним не пропадешь.

– Короче, ребята, вы ждите нас за этим столиком. Мы пройдемся и глянем телок.

Леше мое предложение не по душе, так как ему придется остаться с Игорем и слушать его болтовню. Конечно, он бы с радостью примкнул к Максиму, но ничего не поделаешь. Когда дело касается денег и женщин, тут я непримирим.

Игорь в очередной раз предлагает всем выпить. Один он, видите ли, водку пить не хочет. Для этого дела ему нужна компания. Макс допивает свой коктейль, и мы отправляемся

на поиски.

Мы с Максом обходим весь клуб вдоль и поперек. Безрезультатно. Подходящих девушек поблизости не наблюдается. Побродив еще сколько-то времени, возвращаемся к ребятам. Увы! Может, и прав был Игорь насчет водки. Только настроения уже не хватает и на выпивку.

Мы договариваемся отужинать завтра вчетвером в китайском ресторане, и на этом занавес падает. Никаких приключений не было. Обыкновенная ночь! Попрощавшись с нашими новыми знакомыми, мы с Лешей возвращаемся, в гостиницу. Каким утомительным кажется этот путь!

По мере приближения к перекрестку, где ранее Леша снял двух проституток, он начинает заметно нервничать и просит меня обойти это место стороной. Он опасается, что к нему будут приставать шлюхи. Но мне-то что! Это его трудности! Поэтому я спокойно отвечаю, что буду ходить, где мне вздумается. Вместо того, чтобы бояться, лучше зайти в магазин и купить еды. Если не завтракать, много нервничать, спать допоздна, маяться бездельем и почти каждый день пить пиво, то совсем не удивительно, что меня мучит сильный голод. Я покупаю несколько круассанов и питьевой йогурт. За мной в очереди – молодой немец. Ганс или Фридрих. Все может быть. Я бросаю на него мимолетный взгляд, а он приветливо улыбается мне в ответ. Известное дело, я тут же счел его улыбку странной и подумал, что он... Но он вдруг одобряет мой выбор и говорит, что тоже придерживается здорово-

го образа жизни. Как же глубоко он ошибается! Я пью который день, иногда курю сигареты и сигары и ем что придется! Другой на моем месте давно набрал бы лишний вес, а я все еще в форме...

На улице в ожидании клиентов дежурят шлюхи. В темноте на лавочке бодрствуют невозмутимые сутенеры. Они всегда готовы защитить своих девочек от недобросовестного клиента. Серые кардиналы. Почти вся выручка – их.

Эти шлюхи не такие уж безобидные, как кажется на первый взгляд. Стоит показаться рядом с ними какому-нибудь мужчине, как они кидаются на него с торжествующим криком, хватают за руки и преспокойно могут обчистить карманы. Если же начнешь сопротивляться, то крепкий сутенер в спортивных штанах и простенькой майке быстро тебя успокоит. Поэтому мы берем слегка левее и, когда я замечаю, что одна из шлюх, бросается мне наперерез, я убегаю от нее, огибая ресторанные столики. Похоже, она не ожидала от меня такой прыти и даже не пытается меня догнать. Вместо этого она что-то кричит мне вслед. Эти проститутки настолько страшные, что тебя скорее вытошнит, чем ты согласишься взять кого-нибудь из них за руку. Леше тоже удалось от них ускользнуть. Опасность миновала, и теперь мы можем вздохнуть спокойно. Двухликая улица! Днем оживленно-веселая, шумная, ночью она превращается в форменный притон и таит в себе немало опасностей.

Я чувствую себя опустошенным. Как все бессмысленно!

Я ехал сюда, чтобы отдохнуть, а устаю еще больше...

Проходя мимо какого-то клуба, я замечаю двух девушек. Они пристально смотрят на нас, словно встретили своих старых знакомых. Мы останавливаемся. Девушки тут же подходят. Одна из них пытается меня обнять, ее подруга точно таким же способом пристает к Леше. Мы с другом обмениваемся недоуменными взглядами. Вот так чудеса! Рассказать – не поверят! Речь девушек бессвязна, а взор затуманен. Они где-то уже успели неплохо набраться. И. и К. приехали на этот курорт из Тронхейма.

К. – невысокая кареглазая шатенка с милым личиком и обворожительно хрипловатым голосом. Ее не назовешь первой красавицей, но все же она далеко не безобразна. А то, что К. прилично напилась, лишь повышает ее шансы быть употребленной нынешней ночью.

И. – долговязая блондинка. Ее лицо словно выстругано из дерева, а цвет глаз я никак не могу разобрать, потому что она все время смотрит по сторонам, будто что-то ищет. Пожалуй, единственное ее достоинство – это длинные ноги. Но этого слишком мало для того, чтобы я хотел ее. Лучший вариант – избавиться от нее и отвести К. на пляж, где мы совокупились бы с ней по очереди, благородно бы затем удалившись. Я уверен в том, что наутро она навряд ли что-нибудь вспомнит. Но все дело портит И.! Она не отпустит свою подружку с нами одну...

И., будто у нее заело пленку, все время задает один

и тот же вопрос: «Как там у вас в Мегополисе?» Мой ответ ее совсем не интересует. Ей важно спросить и забыть.

И. настойчиво просит заглянуть в бар, возле которого мы и разговариваем все это время. Ей мало выпитого, и она хочет добавить еще чего-нибудь крепкого. Несомненно, сегодня она приняла столько, сколько и мне не под силу. Вот уже эти норвежки – пьют так пьют! Ради чистого любопытства я любезно осведомляюсь, что она пила. Абсент и текилу! Очень даже неплохо! А теперь она хочет коктейль с ромом...

Меня одолевают сомнения и смутное предчувствие, что никакого пляжа не будет, и лучше всего отправиться спать, а не шататься с этими пьяными курортницами.

Я говорю Леше, что норвежки с удовольствием выпьют за наш счет в баре, а потом под каким-нибудь предлогом от нас отделаются. Но он как будто меня не слышит – слишком уж очаровала его К. Он ни за что не хочет уходить и в то же время желает удержать меня рядом, потому обещает заплатить и за меня. Что ж, в таком случае я ничем не рискую... Лешу тоже можно понять. Слишком велик соблазн отыметь К. По поводу И. я подобных соображений не питаю, и остаюсь только ради друга.

Мы с трудом поднимаемся по лестнице и дружной компанией усаживаемся у барной стойки.

Я безукоризненно вежливо, с долей приятной застенчивости и уважения обращаюсь к бармену с просьбой пригото-

вить два коктейля с ромом.

– Рома нет, – тут же отвечает смуглолицый бармен. – Есть только виски.

– Давай, – я легко соглашаюсь, так как все равно платить не мне.

Пока бармен готовит коктейли, И. снова вопрошает:

– Как там у вас, в Мегаполисе?

Она еле-еле выговаривает эти слова. Я смотрю в ее мутные глаза, натянуто улыбаюсь, едва сдерживая раздражение, и спрашиваю в ответ:

– Как там у вас в Тронхейме?

Такое ощущение, что И. только и ждала от меня этого вопроса.

– О'кей! – с улыбкой на лице говорит она.

Что же еще она может ответить? Хорошо уже то, что она не сваливается с табурета. Она обнимает меня левой рукой за шею, а я придерживаю ее за спину, поглядывая на ее стройные ноги, словно пытаюсь себя убедить, что она не так плоха, какой показалась мне вначале.

Оказывается, просто так пить коктейль И. слишком скучно. Она тут же придумывает забаву. Коктейль становится шахматной доской без единой фигуры. Это первое, что мне приходит на ум, когда И. предлагает, чтобы я тянул виски с кока-колой через трубочку с ней по очереди.

– Твой ход, – вялым тягучим голосом говорит она, отпив, и пододвигает ко мне стакан.

Когда виски выпито, она начинает переговариваться с К., а я на вопрошающий взгляд Лешы – «иметь или не иметь» – пожимаю плечами.

Судя по всему И. не против продолжить веселье за чужой счет. С дурашливой улыбкой капризной пьяной девчонки, уверенной в своей абсолютной правоте, со всей прямоотой, на которую только способна, И. заявляет, что они с К. хотят в клуб, где будут танцевать и веселиться.

Я вежливо улыбаюсь, поддерживая таким образом их уверенность в том, что мы с Лешей два круглых идиота. И пока норвежки шепчутся между собой, советую Леше больше не тратить деньги впустую на этих пьяных дурочек и говорю о том, что выхожу из игры. Будь И. красивее, я приложил бы все усилия, чтобы спить ее в этом же баре, а потом не преминул бы воспользоваться ее слабостью и реализовать свою. Но уединяться с И. у меня желания нет. Леша мнетя, не в силах принять решение. Он тревожится, что может упустить возможность совокупления, когда для меня очевидно: ничего путного мы от этих норвежек не добьемся. А если так, то зачем они нам? Терпеть их пьяное общество, снисходительно выслушивать разную чепуху и быть верными слугами, развлекающими своих господ? Увольте!

Леша опять говорит, чтобы о деньгах я не беспокоился. Конечно же, он не хочет остаться с ними один, да и я бы на его месте не рискнул. И вновь я соглашаюсь. То ли ради друга, то ли ради того, чтобы убедиться в верности сво-

их предположений. Неизвестно. Известно лишь то, что Леша может истратить на К. все свои деньги. Когда на тебе виснет симпатичная девушка, отчасти ты теряешь бдительность. В ее объятиях с той же решительностью, с которой еще мину-ту назад убеждал себя в пагубности этих отношений, ты уже готов на всякого рода безрассудства, оборачивающиеся впоследствии, что и случается чаще всего, сожалением и неприятностями. Ведь ты уже не замечаешь, как она использует тебя. Укрошенный ее ласковой улыбкой, обаянием, телом, ты неизбежно на какое-то время превращаешься в дурака. В этом нет ничего страшного, достаточно только осознать, что с тобой происходит, и отрезвиться терпкой реальностью. Порою сделать это чрезвычайно сложно, в особенности, когда искусные соблазнительницы пускают в ход все свои чары. В Лешиних глазах волчья тоска, какая-то обреченность, жажда любви. Он готов зацепиться сейчас за любую девушку, только бы она его не отвергла.

У нас в руках, если вы не забыли, пакеты с едой. В клуб с йогуртом и круассанами? По моей команде пакеты летят в мусорный бак. Они нам мешают еще и потому, что приходится поддерживать вконец опьяневших норвежек. Их шатает из стороны в сторону, и они рискуют упасть. Чувство стыда утрачено окончательно. Мне несколько неловко перед охраной за таких неменяемых подруг, однако нас все же пропускают. Играет что-то вроде R'n'B, но наши танцы настолько ужасны, что я вообще сомневаюсь, можно ли так

танцевать. Обхватив тела И. и К., с идиотскими выражениями лиц, мы танцуем, точно детишки водят хоровод вокруг новогодней елки. Я – как клоун, пытающийся развеселить самого себя. Апофеоз бессмысленности человеческой жизни. Танец грустных актеров, с завидным упорством выживающих из себя иступленное веселье. Здесь все настолько безразличны друг другу, что едва ли кто-нибудь заметит твой уход. Демократическое счастье, доступное всем и вся, мнимая безопасность, иллюзия жизни, мираж воображения. Мне опротивела вся эта фальшь! Где же настоящая жизнь? Где настоящие люди? Не умер ли я сам?

И. встречает своих подруг. Я смотрю на них оценивающим взглядом, думая о том, что если они так же пьяны, как К. и И., то я смогу выбрать себе другую девушку на ночь. Но эти девушки так же похожи на холеных моделей, как я на культуриста.

Вдруг К. и И., быть может, заранее договорившись или уже совсем ничего не соображая, пытаются от нас убежать, причем самым примитивнейшим способом. Они метнулись к лестнице как по свистку.

Я несколько не расстраиваюсь, так как был сразу уверен, что эти взбалмошные девушки ищут себе приключений, впрочем, как и мы с Лешей. Вдоволь развлекшись, теперь они желают от нас избавиться, правда, несколько переоценивают свои возможности и кубарем скатываются с высокой лестницы. Это не по-христиански, но мне жутко смешно.

но, и вместе с тем становится стыдно, что эти дурочки позорят меня и Лешу в глазах охраны, да и всех, кто видит нас вместе. Они все еще безуспешно силятся подняться, когда я взволнованно говорю Леше, что лучше всего убираться отсюда поскорее.

Друг проявляет, как мне кажется, неуместное милосердие и отвечает, что мы должны им помочь, – правда, охранники нас уже опередили. Леша заявляет секьюрити, что эти девушки – наши подруги, и мы выводим вдребезги пьяных К. и И. на улицу.

И тут выясняется, что они не держатся на ногах! Вырвавшись из наших объятий, норвежки едва успевают сделать несколько неуверенных шагов и падают на асфальт. За столиком на террасе клуба восседает компания. Отвлечшись от просмотра какого-то футбольного матча, теперь они со смехом наблюдают за нами. Этим зевакам нужны события. Ведь без них им очень скучно, потому и смотрят телевизор. К счастью, И. не противится моей помощи. С К. дело обстоит сложнее: она лежит на спине, закрыв глаза, что-то бормочет и ворочает головой. Волосы ее разметались, и, похоже, вот-вот она заблюет все в округе. Леша тянет ее за руку и не может поднять. Зеваки хохочут и чуть ли не показывают на нас пальцами. Бесплатная клоунада, да и только!

К. мы с трудом поднимаем вдвоем. Она тут же, как ни в чем не бывало, обнимает И. за плечи, и они спешат прочь с таким независимым видом, словно никогда не были с нами

знакомы.

Мне любопытно, чем закончится этот спектакль, в котором Леша решает участвовать до конца. Мы догоняем девушек близ казино.

И. говорит, что ей надо что-то обсудить с К. и просит нас подождать их. Сами они усаживаются неподалеку, на ступеньках входа в казино, и начинают общаться с каким-то загорелым брюнетом в черных классических брюках и голубой рубашке с коротким рукавом.

Леша готов их ждать, наверно, до самого утра, а я постепенно теряю терпение. Внутренне негодуя, вместо того, чтобы уйти и положить конец этой идиотской встрече, я остаюсь с Лешей, ни на что не рассчитывая. Норвежки замечают, что мы наблюдаем за ними. Тогда они поднимаются со ступенек, возвращаются к нам, и И. капризным голосом заявляет, что они с К. хотят в McDonald's. Леша готов потратиться и на эту глупость, однако я, разозлившись, твердо говорю, что больше ни в чем не участвую. И если он настолько хочет быть облеванным, то может съесть с ними несколько гамбургеров. На этот раз Леша со мной согласился. По дороге в отель, он сетует на то, что так и не употребил К. И все из-за И., которая вечно куда-то хотела.

– Не все так просто, – возражаю я. – Нас хотели развести на деньги. Я почувствовал это в самом начале, поэтому не захотел платить.

– Да? Ты так думаешь? – сомневается Леша.

– Ну, конечно! – успокаиваю я его. – Будь иначе, они бы давно пошли с нами на пляж или в номер. К тому же нормальной была только К., а И. – как полено. У нее ноги только ничего...

– Одну К. она бы с нами не отпустила.

– Ага... Завтра Макс с Игорем расскажем. Не поверят.

И мы дружно смеемся.

Превосходно, я получил бесценный опыт! Опыт, как не остаться в дураках...

Вечером мы встретились с ребятами в китайском ресторане и за сытным ужином посмеялись над забавным приключением с норвежками. Затем я предложил зайти к нам в отель, выпить несколько коктейлей с виски и вместе отправиться в клуб. Наверное, выпивкой я надеялся расправиться с безмерной, удушающей скукой, преследовавшей меня в течение дня. Надо сказать, что коктейли выходят у меня чрезвычайно крепкими, оттого что я хочу незаметно, быстро, надежно и красиво напиться.

Дружной компанией, громко балагурия, мы стремительно вошли в холл. Наше появление вызвало некоторое неудовольствие и плохо скрываемое беспокойство у портье, по всей вероятности опасавшегося, что мы напьемся и разнесем весь отель. Любопытно, как бы он отреагировал, если бы мы с Лешей заявили сюда с какими-нибудь шлюхами? Честно говоря, мне безразлично, нравится кому-то мое поведение или нет. Меня не обуздаешь этими дурацкими правилами боязливо-осторожного гостеприимства. Я не паймальчик.

Холодильник в номере для того и служит, чтобы его заполняли едой и напитками. Балкон – отличное место для хранения надувного матраса. А все свои запреты с угрозами штрафов чтите сами.

Как обычно, поддавшись чрезмерной запасливости, этому отголоску ушедшей эпохи призрачного благополучия, заретушированной нравственности и крайнего дефицита товаров, мы в первый же день наполнили холодильник фабрикатами и спиртным. Все приготовления были сделаны лишь для того, чтобы принять девушек. Правда, за все это время никаких девушек в нашем номере не появлялось, и запасы продуктов так и оставались лежать нетронутыми. Да и выпивки хватало на несколько дней беспробудного пьянства, поэтому теперь я радушно угощал Игоря всем без разбору.

Он пил все подряд: Malibu, виски, виски с кока-колой. Сосредоточенно и молчаливо работая челюстями, Игорь с одинаковым равнодушием жевал сухарики, чипсы, шоколад и не торопился пьянеть. Он радовал меня тем, что продукты не придется выбрасывать. Благо, отсутствием аппетита он не страдал.

Когда мы выпили парочку приготовленных мною коктейлей, не оставалось ничего иного, как идти в клуб. Других занятий, кроме поиска самок для совокупления, мы себе предложить не могли. Разве что Игорь, как всегда, предложил сильно напиться, что, честно говоря, нас совсем не прельщало. Я был всецело во власти вожделения. Ничто не интересовало меня в ту ночь, кроме девушек. В конце концов я жаждал утвердиться в глазах приятелей, показать им, на что я способен. Выпивка лишь подхлестнула меня к этому ребячливому геройству. Я был умеренно пьян и чувствовал себя

превосходно во всех отношениях. Выпитые коктейли оказали свое воздействие не сразу, однако уже на середине пути ноги налились свинцовой тяжестью; я жутко вспотел и шел вяло и неохотно. По всей видимости, я переборщил с виски. Впрочем, сделал я это намеренно.

В относительной тишине клубного бара мы обсуждаем план действий. Сидим, напустив на себя заговорщицкий вид, словно от нашего решения зависит судьба всего мира.

Игорь – вспотевший, непривычно оживленный и разговорчивый – снова агитирует нас заказать водку. Макс злится. А мы с Лешей смеемся.

Я остаюсь с Игорем в баре, чтобы ему одному не было скучно. Он пьет дешевое пиво прямо из бутылки. Я напрямую спрашиваю, отчего он не хочет знакомиться с девушками. Игорь серьезно, глядя мне в глаза, отвечает, что у него уже есть подруга, и он не хочет ей изменять. Ах, вот оно в чем дело! Ничего не скажешь, благородно! Я расспрашиваю его, как он проводит свободное время, и рассеянно слушаю его откровенно скучный рассказ, утаивая свой едкий комментарий. Я привык насмехаться над образом жизни черни, и в этом смехе есть что-то леденящее мою душу. Я панически боюсь жить так, как живут они: в режиме тотальной экономии, минимума возможностей, с нелепой надеждой на государство, для которого все эти люди не более, чем обыкновенные винтики. Работать с ожиданием выходных и праздников, спиваться и плодиться, и в течение всей

своей жизни неуклонно деградировать.

Оба молчим. Общих тем для разговора нет. Я мечтаю о том, чтобы поскорее вернулись Макс и Леша.

Не выдержав затянувшегося ожидания, я отправляюсь на одиночные поиски девушки.

Мельтешение лиц. Хаотичные движения танцующих тел. Оглушительные волны музыки.

По возвращении в бар я вижу за столиком Макса и Лешу. Глядя на их лица, я все понимаю без слов. Макс – как растерянный школьник. На лице Леша застыла маска тоскливого равнодушия.

Меня разбирает злость. Абсурд! Мы что, какие-нибудь маргиналы с пропитыми лицами? Отъявленные подонки? Меня приводит в бешенство мысль, что здесь мы никому не нужны. И я хочу ее опровергнуть. Курю сигару, рассеянно посматривая на девушку в коротком черном платье, сидящую за соседним столиком, которая, закинув ногу на ногу, общается с каким-то здоровяком. Выпустив последние клубы дыма, я говорю приунывшим приятелям, что еще не все потеряно. Словом, пытаюсь их хоть как-то воодушевить. Меня успокаивает то обстоятельство, что рассвет еще не скоро. Ночь в самом разгаре.

У ограды возле клуба, я замечаю стайку девушек, по всей видимости, взявших небольшой тайм-аут, чтобы набраться сил для танцев. Или, быть может, они кого-то ждут. Одна из них, брюнетка с точеным телом, красивой бледностью

кожи, невинно-прекрасным лицом, обрамленным короткими завитками волос, с алыми губами и глазами, точно бездонные озера, завораживающими своей синевой, мгновенно привлекает мое внимание. Я вспыхиваю, словно факел. Внутри что-то обрывается, будто я лечу в пропасть, а внутренний голос шепчет: «Она должна быть твоей».

Эта девушка просто бесподобна! Она кажется мне ангельским созданием. Я одержим ее красотой.

– Ты что! Их слишком много! – говорит Макс.

– Не стоит даже пробовать! – вторит ему Леша.

Один Игорь равнодушно молчит, наверное, он опять мечтает о водке.

Но сейчас все эти предостережения ничего для меня не значат. Я глух к ним. Весь мир померк. Есть только она. Я хочу прижать ее к себе как можно крепче, приласкать, как беззащитного котенка, излечить свою душу от мучительной тревоги. Я готов унять свою похоть. Я хочу чувствовать тепло ее рук и пронизывающую все тело сладостную дрожь от нежности ее взгляда. Как я хочу, чтобы она меня приручила! Я мертвею этими одинокими вечерами. Порою мне кажется, что вынести это одиночество невозможно. Эта безграничная тоска терзает меня и днем и ночью. Тоска по лучшей жизни, по неизведанному счастью.

Словом, я иду к ним один, так как знаю, что если не заговорю с ней, то, пожалуй, поддержу предложение Игоря, чтобы забыться.

Друзья ждут меня неподалеку, и я говорю, что отлучусь ненадолго. Усевшись с ней рядом и глядя ей в глаза, я тут же забываю свои обещания.

Она приехала из Белграда. На мои комплименты реагирует живо, благодарит и смеется, что вселяет в меня робкую надежду на благополучный исход всех моих тягот.

Я увлечен беседой, потому не замечаю, как к нам подходят два парня. Один невысокий, в белых брюках и такого же цвета рубашке, с сигарой во рту. Загорелый и крепкий. Лицо наглое, насмешливое. Глаза хитро поблескивают. Его приятель как будто не обращает на нас никакого внимания. Я мигом настораживаюсь, точно сторожевой пес при появлении чужих.

– Русские есть? – глядя на меня, с насмешкой спрашивает парень в белом.

Я делаю вид, что его не понимаю и продолжаю молчать.

Краем глаза вижу, что мои друзья наблюдают за развитием ситуации. Это меня несколько успокаивает. Если завяжется потасовка, то я не останусь один. В любом случае свою добычу я этому типу не отдам. Он говорит что-то еще и, видя, что я никак не реагирую, вместе со своим дружкой уходит. Я пытаюсь вернуть прерванному разговору прежнюю безмятеж-

ность, но ощущение волшебной игры безвозвратно исчезло.

Она внезапно поднимается и собирается уходить. Я отчаянно боюсь ее потерять, окликаю взволнованным голосом, но она не оборачивается. Тогда я, не давая ей раствориться в толпе, осторожно дотрагиваюсь до ее плеча. Она смотрит на меня холодно, с потухшим интересом, ранящим сильнее, чем изначальное равнодушие.

– Ты куда?

– Я иду танцевать!

– Я хочу с тобой!

В ее взгляде то ли легкое раздражение, то ли плохо скрываемая неприязнь.

Она обещает вернуться.

Я не верю ей. Во мне взрывается отчаяние, острая боль пронзает все мое существо. Осознание того, что я бессилен ее удержать.

– Ты обязательно вернешься? – неуверенно переспрашиваю я, не желая отпустить ее от себя, так как ощущаю, что больше ее не увижу.

Вся моя хваленая спесь, самоуверенность и грубость мужлана, бравада со скабресными шуточками, цветущие в разговорах о девушках, исчезают тотчас же, вместо этого – отчаяние и страх, что проклятый круг одиночества вновь сомкнется...

Она оставляет мой вопрос или, скорее, даже мольбу без ответа, поворачивается и вместе с подругами пропадает

в танцующей толпе.

Ко мне тут же подходят ребята. Я извиняюсь перед ними за свою забывчивость и горячо благодарю их за то, что они готовы были за меня вступиться. Леша выражает свое беспокойство, делится переживаниями и говорит, что они сразу же решили меня подстраховать на случай драки. Макс спрашивает, куда подевались те девушки.

– Она смылась, – с горечью говорю я. – Обещала вернуться, но не вернется. Я знаю.

Друзья пытаются меня приободрить. Я безучастно слушаю их. Макс предлагает ее найти. Слыша эти слова, я вновь оживаю. Тлеет уголек обманчивой надежды.

Я ищу ее в клубе, на первом и втором этажах. Когда же, обойдя весь клуб, я понимаю, что ее здесь нет, либо я ее не заметил, что представляется мне вполне вероятным, со вздохом возвращаюсь на условленное место встречи.

Мигом ловлю на себе какие-то странно-сочувственные взгляды ребят, словно я сам еще не знаю о постигшем меня несчастье.

Макс хлопает меня по плечу.

– Мы видели ее... Она там, где вы сидели, делала одному парню минет...

Что????!!! Чудовищный удар! Мне не хватает воздуха. Я до боли сжимаю кулаки. С напускным хладнокровием, будто эта новость меня ничуть не уязвила, со сдержанной яростью спрашиваю:

– Где они? Вы видели, куда они пошли?

– Куда-то внутрь, – неуверенно отвечает Леша. – А что такое?

– Ничего, – сквозь зубы отвечаю, весь объятый пламенем мести. – Он здоровый?

– Кто здоровый?

– Ну, тот парень...

Он не виноват, но я что-то должен сделать, потому решаю с ним разобраться. Гневная гримаса на моем лице. Никто даже не пытается отговорить меня от мести. Наверное, чувствуют, что бесполезно.

– Он где-то внутри, – снова неуверенно повторяет Леша.

– Мне надо его найти, – кулаки мои сжаты и словно окаменели.

Как такое возможно? Здесь, у ограды, при всех, хуже позорной шлюхи! Что я значу в этом мире со своими понятиями о нравственности? Я ей не подошел, зато тот парень в самый раз, да еще как!

Я ищу эту парочку влюбленных с таким ожесточенным лицом, что никто даже и не думает возмущаться моим несколько грубоватым вторжением в толпы танцующих. Недоуменно-испуганные взгляды. Им неведомо, что творится в моей душе.

Эту сербку со своим кавалером, как мы ни старались, так и не нашли. Наверняка, разогревшись прилюдно, они сейчас предаются сладостному уединению в каком-нибудь номерке!

Измощенный вспышкой убийственной ярости, я не испытываю никакого желания здесь оставаться. Мне хочется уйти поскорее.

– Давайте купим водки и нажремся...

Вы ошибаетесь, это говорит не Игорь, это говорю я.

– Ты чего? – Леша безмерно удивлен, да и Макс с Игорем не меньше.

– Давайте купим водки и нажремся, – настаиваю я.

– Не надо.

– Надо! – горячо, с раздражением из-за того, что даже Игорь не разделяет моего малодушного устремления, я истерически продолжаю убеждать всех в необходимости этого шага. – Надо нажраться! Я больше не могу терпеть все это! Пошло все на х**! Это какой-то п**дец! Я ей не нужен, а другому она здесь же сосать готова! Я что, тоже должен быть таким животным? Где человечность? Сказала бы сразу, что я ей на х** не нужен! Я бы понял!

Глубочайшее безразличие ко всему существу. Сяду на первый же тротуар и начну пить водку прямо из горлышка. Пускай забирают в полицию. Пишут свои бумаги. Мне все равно. Я не понимаю устройство этого мира. Он чужд мне, как и я ему. Так не лучше ли напиться, раз все настолько бессмысленно? Кратковременное избавление от страданий гарантировано. Боль притупится.

– Подожди, – останавливает меня Макс. На его лице недоумение. – С чего ты взял, что она делала ему минет?

– Ну ты же сам мне только что говорил!

– Слышишь, Леша, – Макс нервно смеется, – он подумал, что она тому парню сделала минет.

Я уже ничего не понимаю.

– Ты что! Она здесь просто с ним сосалась! Какой минет! Ты что!

Так выходит, все это неправда?

Странно, как мне могло взбрести такое в голову. Я же ясно слышал слова Макса, и моя память их вновь повторяет. Обманывать им меня незачем, так что будем считать, что это было просто слуховой галлюцинацией.

– Тогда ладно, – я мгновенно успокаиваюсь. – Это ерунда. Водку пить не будем.

– Ну ты даешь! Как ты мог такое подумать! – смеется Макс.

– Я и сам не знаю.

Прежде чем уйти, мы еще несколько часов слоняемся в клубе. Я с поразительной легкостью забываю об этой сербке, словно ее для меня не существовало и раньше.

Ближе к рассвету, уставшие и приунывшие, выходим из клуба и садимся на ближайшую лавочку, чтобы обсудить планы на завтра, такие же скучные, как и на сегодня. Макс с Игорем повезло. Им осталось продержаться на этом курорте всего лишь несколько дней, и они улетают домой. Мне же с Лешей торчать тут еще две недели! С ума сойти можно!

Сидя на лавочке, мы перебрасываемся ничего не знача-

щими фразами, и тут мимо нас по направлению к клубу проходит та самая блондинка, которой я чем-то так сильно понравился. Заметив меня, она приветливо улыбается и машет рукой. Я подхожу к ней. Спрашиваю, как долго она еще здесь остается.

– Пять дней, – отвечает она.

Мы общаемся так, словно между нами ничего не было. Или все-таки было? После слов Леши о том, что она, скорее всего, тогда обкурилась травой, я начал сомневаться в искренности ее столь бурного излияния чувств. Кому верить? Конечно, любому человеку хочется верить в лучшее, но, тем не менее, частенько эти проклятые сомнения портят всю прелесть впечатлений и воспоминаний и отравляют жизнь своей навязчивостью. И порою ты начинаешь подозревать, что тебя обманывают. Ты становишься еще подозрительнее и начинаешь во всем видеть доказательства своей правоты. Вот что губит зарождающиеся человеческие отношения. И все же доверять надо прежде всего самому себе, а не искать каких-то подтверждений там, где их быть не может. Разве наша любовь осязаема? Отношения, чувства? Где их материальное воплощение? Его нет, но от этого они не становятся для нас менее ценными. Мы нуждаемся в них всегда. И иногда наши сомнения всего лишь обыкновенные страхи, в которых мы боимся себе признаться, пустые терзания, чья форма полнится тревогой...

Поговорив ни о чем, мы прощаемся, и я возвращаюсь

к ребятам. Леша, порядком разгоряченный, что-то объясняет Максу и Игорю. И опять эти взгляды, полные изумления, непонимания и, быть может, досады. Они смотрят на меня так, будто я совершил что-то непоправимо-ужасное, заслуживающее порицания.

– Натуральная блондинка как бы... Пловчиха, – с улыбкой рассказывает Леша. В его тоне сквозит скрытое раздражение. – Сама к нему катила...

– О чем это вы?

– Не обижайся, конечно, – с досадой восклицает Макс, – но ты самый настоящий бивень! Я не понимаю, чем она тебя не устраивает?!

– Не знаю... как-то не хочется...

– Да... – многозначительно бормочет Игорь. – Чего еще тебе надо?

Никто не может понять, почему я отказываюсь от такой хорошенькой девушки. На меня смотрят, как на безумца, посмевшего поступиться Нобелевской премией в угоду собственным принципам. Но что я могу сделать, если все еще не в силах забыть ее подругу? Как я могу объяснить, что нельзя себя заставить даже увлечься кем-то? Это происходит само собой. Люди ведь не животные, да и те выбирают. Свой выбор надо делать без оглядки на других. Я не могу предать это чувство. Лучше терпеть боль, чем презирать себя. Пусть осуждают! Пусть плюют! Я бросил вызов своему отчаянию! Ведь, если вдуматься, то можно обнаружить, что

вся моя жизнь соткана из паутины вызовов всему миру, обществу, самому себе.

Я не единожды видел ту неприступную сербку. Наблюдал за ней украдкой, если был неподалеку. Дивно хороша. Но мужские сердца, судя по всему, для нее точно разбитый хрусталь, который хрустит под ее каблучками. Вдобавок она несколько развязна. Танцует на столе, а судя по стопкам, стоящим на подносе у ее ног, любит выпить.

И, несмотря на осознание безнадежности этого влечения, она в моих мыслях день и ночь, и я безуспешно пытаюсь ее забыть, спрятаться от нее за знакомствами с другими девушками. Пусть в ней есть некоторая вульгарность, надменность, но я не могу отказаться... отказаться от этой болезненной тяги к ее красоте, этого чувства, пускай и обреченного. Она – та недосыгаемая звезда, на которую ты любишь смотреть по ночам, погружаясь в грезы.

Мы все еще сидим на лавочке, когда ее ведут под руки, пьяную, вдоволь натанцевавшуюся. Боль моих терзаний смягчает то, что я не вижу рядом с ней мужчин. Я не могу уснуть, думая ночами о ней. И мне отчего-то кажется, что будь я другим, не таким, как сейчас, то она обязательно бы меня полюбила. Смешно! Нелепо! Но я действительно так считаю, невзирая на то, что сам же частенько насмехаюсь над своей ранимостью. В минуты ярого цинизма я готов четвертовать этого сентиментального героя поэм и рыцарских баллад.

Девушки удаляются прочь. Я уныло гляжу им вслед.

Все последующие дни я распоряжаюсь временем, будто сорю выигранными в казино деньгами. Я забываю, что было вчера, и не интересуюсь тем, что ждет меня сегодня, тем более, не задумываюсь и о завтрашнем дне. Я живу одним вялотекущим, однообразным и бесконечным днем. Послепуденные часы я провожу на пляже и в номере, пребывая в полупьяной дреме. Пью ежедневно. Выпив, безразлично взираю на мир. Накатывает благодушное отупение. Все тело охватывает истома, мысли замедляют свой ход. В такие моменты я испытываю убогое блаженство. Но трезвый я невыносим. Ссорюсь с Лешей из-за разных пустяков по три раза на день. Столкновение характеров. Его, видите ли, бесит, что я экономлю деньги, высчитывая лимит расходов на каждый день, и по утрам, пока он еще валяется в постели, часто переключаю телевизионные каналы. Леша, в свою очередь, долго копошится, собираясь на пляж. Расхаживает по номеру с угрюмым и заспанным видом. Можно подумать, что у него хронический недосып. Злимся, обижаемся друг на друга, материмся, насупленно молчим, обмениваемся виноватыми взглядами и в итоге миримся.

Обыкновенно мы спим до обеда, пренебрегая завтраком, затем какое-то время бодрствуем, после морского купания вновь спим, затем ужинаем и идем в клуб.

Моя жизнь фрагментарна, я существую, а живу по-настоящему лишь мгновения. До чего же все это мерзостно!

...Еще вчера мы с Максом и Игорем ходили вместе купаться. День выдался ветреным, непредсказуемым. Солнце то застенчиво выглядывало из-за туч, то вновь пряталось, и все меркло вокруг, точно вот-вот зарядит дождь. Море голубовато-зеленое, необычайно теплое, волновалось. Пенистые гребни волн неожиданно вырастали за нашими спинами и, разбиваясь, окатывали нас с головой.

Леша, весь мокрый, в оранжевых купальных шортах, подтягивается на турнике.

Мы с Игорем наблюдаем.

– Худой, как червяк, – замечает Игорь.

Я взглянул на него с неодобрением. Солоноватый вкус моря на губах. Свежий ветер. Немного зябко. Я кутаюсь в махровое полотенце. Капельки воды стекают по лицу.

Макс, растянувшись на полотенце, слушает плеер. Даже не верится, что когда-то у него был лишний вес. Ныне он крепкий парень, веселый и добрый. Такие ребята, как Макс обычно очень нравятся девушкам. Есть в нем какая-то неотразимая доброжелательность.

– Классный микс! – обращается он ко мне. – Где ты находишь такие песни? Я бы купил у тебя этот диск...

Но он уже улетел в пыльный и грязный Megarole, в эту зловонную дыру, забрав с собой последние крупницы радости. Я вновь ощущаю удары острых кинжалов одиночества.

Толком и не распрощались...

Перед отлетом он был с красивой белозубой девушкой, тоже сербкой. Мы с Лешей в то время разговаривали с какими-то украинцами.

– Проститутки здесь что надо, – со знанием дела говорит один из них. – Я имею в виду не тех, которые на улице стоят, а тех, что в борделях. Чистенькие, ухоженные. Сто баксов – час.

– Я, может, схожу, – тут же оживляется Леша. – Все равно в этой шараге не на что тратить деньги.

– Сходи, – устало говорю я и затягиваюсь сигаретой. Курить не хочется, но я курю.

– Классно вам! Столько лет дружите! – говорит мне девушка из этой компании. В белом воздушном платье она выглядит как невеста.

Макс неподалеку, на расстоянии шагов двадцати. Нас не замечает. Я вижу его, знаю, что он улетает, но продолжаю сидеть на диване, как будто мне так нравится слушать этих пустозвонов...

– Напиши Максусу SMS. Узнай, как он там. Все-таки мы с**и. Обещали вечером встретиться, но так и не встретились. Сидели с теми мудаками.

– Да, – вторит Леша, – я его видел вчера с телкой. Тут, конечно, в порядке. Так хорошо как бы, одно дело – бабки. Тут другое. Знаешь, что она ему сказала?

– Что? – я лежу на кровати с закрытыми глазами. Вече-

реет. Жара уже спала. Солнце щедро золотит балкон. Я медленно засыпаю.

– Она сказала, что у него очень красивые руки. Мне такого ни одна телка не говорила, – не без обиды в голосе говорит Леша, словно вопрошает меня, где же справедливость.

– Да, действительно, классная девушка. Значит, он ей нравится, – констатирую я с некоторой отрешенностью.

– Конечно, как бы! Ко мне такие как бы никогда не катили. Хотя бы одна! – жалуется Леша на свою судьбу.

Я зеваю, не разделяя его уныния. Каждому свое.

– Пиши SMS. Узнаем, как у него дела. Везет ему, что улетел так рано. Нам здесь еще двенадцать дней торчать. Знал бы, что будет такая скука, ни за что бы не поехал.

Леша всецело озабочен тем, на что спустить деньги, так как потратил он очень мало, и это его беспокоит.

– Возьму на час скутер, – рассуждает Леша, – и схожу в элитный бордель...

Прохлада неторопливо вливается в комнату сквозь открытую дверь балкона. На пластиковом столике стоит пустая бутылка из-под красного пива. Мы узники этой курортной тюрьмы.

Ух ты, какая малышка! Я восхищен до предела. Друг тоже. А это значит, что вскоре начнутся неизбежные споры.

– Пошли вдвоем... она с подругой, – миролюбиво, впрочем, не без потаенной хитрости, предлагаю я, но Леша разочарованно машет рукой и отказывается.

Конечно, он был бы не против, чтобы я проявил великодушие. Но такую девушку не положено уступать без боя даже самому лучшему другу.

– Знаю я тебя, как бы. Обещаешь, что не будешь, а как катанешь, так я стою и молчу.

– Тебе никто не мешает разговаривать. Ладно, катанешь к каким-нибудь другим, но эту, извини, я упускать не хочу.

Я иду наискосок, чтобы аккуратно подойти к ней сбоку. Главное, не спугнуть. Я безусловно уверен в том, что она обладает свежим, упругим, приятным на ощупь и ухоженным телом. Это вам не какая-нибудь потасканная шлюха.

Ее подруга – крупная девушка, в желтом платье в черный горошек, с усталым и несколько раздраженным выражением лица – не внушает мне никакой симпатии и доверия. Известное дело, едва я обращаю внимание на ее сексапильную подругу, как она начнет все портить, а все из-за того, что выбрали не ее! Скажет, что они куда-нибудь торопятся или выдумает еще какую-нибудь чушь. У девушек на это фантазия богатая.

Я уже начинаю чувствовать неприязнь к этой хмурой девушке, и она почему-то ассоциируется у меня с лошадю. Быть может, все дело в ее тяжелой поступи? Или в тучности?

Вблизи К. оказывается еще лучше, чем я мог предположить. Она переминается с ноги на ногу, кокетничает, смущенно опуская свой бархатный взгляд, словно меня стесняется. Ее слащавый голосок и манерность сводят меня с ума. Я смотрю в ее карие глаза и понимаю, что хочу овладеть ею сейчас же. Сию минуту. Безудержное желание плоти! Искусшенная кокетка! Она, словно нарочно, робко сопротивляется, разжигая во мне костер сладострастия. Из корсета соблазнительно виднеется грудь.

«Лошадь» удаляется с кисло-надменной миной. Она идет спать, а я настойчиво уговариваю К. составить нам компанию. Я всячески ублажал ее слух, призывая на помощь все свое красноречие. И все ради чего? Ради того, чтобы с неистовством насладиться вкусом ее сладких губ, ради того, чтобы слиться с ней жаркими телами на обезлюдевшем пляже под шепот прибоя. Ее тело создано для любви. Она доводит меня до исступления! О, как я безумно хочу ее! Да скажи кто-нибудь мне, скупердяю, отдать все деньги за одну ночь с этой обольстительницей, и я соглашусь!

Она мило отказывается и говорит, что должна идти в номер, потому что не может оставить подругу одну. Но я не могу ее просто так отпустить. Не могу и все!

Мы договариваемся завтра вместе пойти на пляж. Встре-

чаемся у клуба в полдень, а если не получится, то ближе к вечеру, в шестнадцать часов. Она прощается и уходит во мрак неосвещенной улицы, так и не позволив себя провести. Странно, я настолько увлекся, что даже позабыл взять номер ее телефона.

– Ну, ты даешь! – удивляется Леша. – Она тоже, конечно... Знает, как бы, как надо вести себя с мужиками.

– Еще как знает! – хрипло говорю я, ощущая изнеможение, словно несколько часов провел в тренажерном зале. – Она кого угодно может совратить... Главное, чтобы та кобыла ничего не испортила.

– Да... телка в порядке.

– Настоящая женщина! – подхватываю я.

Ее застенчивая сладкая улыбка до сих пор стоит у меня перед глазами, и я лихорадочно думаю, чем может обернуться завтрашний день. Ясное дело, что я готов зажать ее в любом укромном местечке. Сама напросилась. Нечего так вызываясь себя вести. Но кое-какие формальности соблюсти придется.

Гормоны хлещут во мне через край, и я готов совершить самые безрассудные поступки. Мое счастье, что рядом со мной друг – будто холодный компресс на разгоряченную голову. Я знаю, что в случае чего он вовремя подскажет, поправит, убережет.

Эмоции распалывают меня, точно опытная шлюха своего клиента. Я вспыхиваю, затем гасну. Циклы, циклы, циклы...

Моя жизнь – сплошной график. И его суть неведома мне самому. Я не знаю, куда рванет линия со следующим взмахом крыльев неопределенности...

Вместо того чтобы хорошенько отоспаться и ранним утром прийти на пустынный пляж, мы возвращаемся к клубу. Это какое-то наваждение! Ночи напролет мы проводим в клубе. И все равно мало! Хочется отдаться неистовому разгулу! Разойтись как следует! Это тот самый клуб, где мы были с норвежками. Заходить туда не очень-то хочется. Влекомые тлетворным духом разврата, мы поджидаем девушек на террасе, развалившись в мягких креслах. На диване сидит какой-то парень. Лица его не видно, так как он согнулся чуть ли не пополам, и, по всей видимости, ему чертовски плохо. Наверняка перебрал. Я ему сочувствую. Играет веселая музыка. Приятели то и дело тормозят его за плечи и при этом глумливо смеются, будто им невдомек, что его вот-вот стошнит. Они издеваются над ним как только могут, а я наблюдаю, не решаясь вмешаться. Может, у них так принято?

Парня начинают рвать и в один момент, когда его оставляют в покое, целая струя рвоты, разбрызгиваясь, ударяется в пол. Его притихшие дружки чему-то радуются, чуть ли не хлопают в ладоши и с издевкой превозносят его как своего новоявленного героя. Неужели человек может быть таким бессердечным уродом? Есть ли смысл вмешаться? Остановить этих подонков?

Парню, тем временем, становится легче. Он откидывается

на спинку дивана с бледным измученным лицом. У его ног – озерцо белесой рвоты, точно разлитый кем-то густой суп.

Необыкновенно скучно. Я позевываю и сообщаю Леше, что, пожалуй, лучше отправиться спать.

– Подожди еще, успеешь! Отдых не для того, чтобы спать.

– Так что будем делать? – и после небольшой паузы я сам отвечаю на поставленный вопрос. – Совсем нечем заняться, лучше тогда выспаться.

– Я не пенсионер, – с легким раздражением бормочет Леша, – чтобы так рано ложиться спать. Мне это не надо.

– Ладно, – соглашаюсь я, – посидим до полвторого, а там спать.

Я остаюсь на террасе, а Леша топчется вблизи ступенек, нервно поглядывая по сторонам, словно кого-то высматривает.

Напротив клуба – скамейки, освещенные мягким светом фонарей. На одной из них сидят две девушки.

– Слышишь, давай катанем к этим двум конфетам, – деловито предлагает Леша. – Они походу хавают шаурму. – Заметив, что я не изъявляю особого желания, он тут же поспешно добавляет:

– Я буду с ними базарить.

Я толком их не рассмотрел, вдобавок они кажутся мне слишком взрослыми, да и после знакомства с К. я чувствую себя порядком утомленным. Тем не менее, соглашаюсь, потому что делать совершенно нечего. Да и Леша в моем при-

сутствии будет чувствовать себя уверенней.

С эдакой кошачьей вальяжностью мы идем мимо скамеек с видом прогуливающихся идиотов, которым ни до чего нет дела. Дурно или хорошо это у нас получается, я не знаю. Бросив мимолетный взгляд, по цепкости и алчности не уступающий взгляду филателиста, разглядывающего редкие марки, убеждаюсь, что миниатюрная брюнетка со смазливym личиком и в декольтированной кофточке очень хороша. Большие глаза с чуть испуганным выражением, пухлые губы, длинные волосы и неплохая фигура. Ее подруга мне безразлична.

«С К. увижусь завтра, – рассуждаю я, – а от этой девочки отказываться нельзя. Раз ест шаурму, значит бедная, а это значительно упрощает дело». Да, кстати, я совсем забываю о недавно данном Леше обещании, что уступлю ему следующую девушку, если она понравится нам обоим. Теперь я чувствую, что сделать этого не смогу, но, что самое интересное, не испытываю по этому поводу никаких угрызений совести.

Леша, в голубых сильно рваных джинсах, сквозь которые виднеются синие трусы в белые мишки, черном пиджаке, наброшенном на бежевую майку, и белых кроссовках, начинает улыбаться и всячески смешить девушек то ли своими словами, то ли внешним видом или всем вместе взятым. Как обычно, он слегка небрит, светло-русые волосы на голове стоят торчком. В основном говорит он, как и обещал, я по мере необходимости, вставляю два-три слова, а все остальное время разглядываю чуть приоткрытые губы брю-

нетки и частенько опускаю взгляд в ее декольте, прикидывая, какой у нее размер груди. Чем больше я разглядываю ее грудь, тем меньше мне хочется разговаривать.

Лицо Леша, еще недавно такое утомленное и раздраженное, за считанные минуты чудесным образом преобразуется, став беззаботным, добродушным лицом настоящего весельчака. Подумать только, какая разительная перемена!

Он паясничает и изо всех сил веселит девушек. Они безудержно смеются и улыбаются, поощряя тем самым его дальнейшие шутки. Кто же из них ему нравится?

Несмотря на то, что мы одинаково плохо говорим по-английски, это нам совсем не мешает. Смешливые девушки иногда настоящая находка! Особенно для такой цели, как наша. Пока Леша рассыпается в комплиментах, я раздумываю, как ускорить все эти события и перейти к делу. Нечего заниматься болтовней. Безусловно, эти девушки самые умные, самые красивые, но ведь есть дело и поважнее! Сколько можно говорить об одном и том же! Им-то и так все понятно!

Заглядывая в декольте, я сам не замечаю, как стремительно тупею, и весь мыслительный процесс упрощается до одной-единственной мысли.

Только вот сел я как-то неудачно. Вместо того, чтобы усесться рядом с брюнеткой, я – на самом краю скамейки, рядом с ее грудастой подругой. Она косо на меня поглядывает. Да и я к ней не питаю симпатии. За все время разговора я едва ли перекинулся с ней несколькими словами.

А Леша продолжает распинаться при свете фонаря, горюдит откровенную чушь и удивляет меня не свойственной ему энергичностью и словоохотливостью.

Девушки, слушая Лешу с благосклонной улыбкой, закуривают. Когда же это закончится? Он развлекает их уже, наверное, не меньше часа!

Но вот счастливый миг настает. Девушкам уже пора. «Отлично, – думаю я, – заодно узнаю, как смотрится моя брюнетка сзади. Так ли хороша, как спереди?» Я говорю, что уже слишком поздно, и мы должны провести их до гостиницы. Еще я настаиваю на том, чтобы увидеться завтра. Лучшего места для свидания, чем пляж, не придумать! Никакой дурацкой косметики и нарядов. Надеваешь солнцезащитные очки и безнаказанно, без всяких обвинений и упреков в похабности рассматриваешь свою избранницу, пока не надоест. Если девушкам позволительно оценивать тебя с точки зрения платежеспособности, то почему бы тебе не подумать, стоит тратить или нет?

У брюнетки настолько очаровательная улыбка, словно только что ее одарили короной «Мисс мира». Мое предложение насчет встречи принято.

Я чуть запаздываю и придиричиво оглядываю подружек. Вместо того чтобы открыто обозначить свои предпочтения, мы с Лешей плетемся рядом с девушками, не смея их обнять, словно школьники, впервые осмелившиеся заговорить с неприступными одноклассницами.

Леша то и дело бросает на меня взгляды, полные глухого раздражения. В чем дело?

– Баран... – злобно шипит он, когда мы чуть отстаем от девушек.

– Что?

– Что ты сел с ней рядом!

– С кем? Тебе что брюнетка втыкнула?

– Подруга ее, как бы! Чего ты рядом с ней сел?

Фуух! Я уже думал, что сейчас мы рассоримся вконец из-за этой брюнетки.

– Да, ладно. Ничего страшного, – виновато говорю я, осознавая, что действительно сглупил. – Что вышло, то вышло. Уже ничего не вернешь.

– У тебя глаза пустые были, п**дец! Ты сидел отупевший! Я тебя еще никогда таким не видел!

– Хороша у тебя подружка, – со смехом подначиваю я Лешу. – Четвертан впереди.

– Какой четвертан! – восклицает Леша. – Пятерка, как бы!

И он раздражается смехом при виде моей ухмылки. Мы прекрасно понимаем друг друга.

Отель с облупившейся краской, четырехэтажный «барак», лет двадцать, а то и больше не видевший ремонта.

В холле горит яркий свет. Честно говоря, не знаю, как там внутри, но внешне отель смахивает на какое-то общежитие, а в холле я бы рекомендовал хозяевам устроить пункт приема стеклотары. Местные выпивохи, как я думаю, с удо-

вольствием поддержали бы мое предложение. Или можно устроить дешевый социальный бордель. Пригласить сюда тех страшных истасканных шлюх с хриплыми голосами, которые ночью дежурят на улице, и дать им работу. Они наверняка в последнее время только и занимались тем, что обкрадывали незадачливых туристов. Одна – рукой за член, вторая – цепко за руки, ну и по карманам. Какому-то бедняге даже разбили голову. А один находчивый курортник предложил развлечься прямо посреди улицы. Он ослабил ремень и взялся расстегивать ширинку, и тут шлюхи оставили его в покое. Говорят, что где-то неподалеку есть полиция, но в самый решающий момент тебе придется рассчитывать только на себя. Маловероятно, что их конный патруль тебе чем-нибудь поможет. Местный криминал и полиция сосуществуют, вполне гармонично дополняя друг друга. Какое полиции дело, ведь тут одни иностранцы. Вечно влипнут в какую-нибудь историю. Этим можно. Все равно скоро уедут.

И вот мы стоим у входа в гостиницу. Пришел час расставания.

Когда я желаю девушкам спокойной ночи, замечаю, как они обмениваются мимолетными взглядами, полными недоумения, будто ожидали от нас чего-то другого. Что бы это значило? Может, мы с Лешей сделали что-то не так? Непонятно. Вроде все шло как нельзя лучше...

– В такой халупе останавливаются только бедняки. К тому же они нашего возраста, хотя и выглядят старше.

– Да, как бы. Тут, я хочу тебе сказать, шансы хорошие.

– Приведем их завтра к себе в номер. Дадим выпить, ну и в койку. Ты видел какие губы у моей брюнетки? Я бы ее не в щеку поцеловал...

– У моей впереди считай пятерка, как бы, – с мечтой о грядущем дне говорит Леша.

Мы хвастаемся друг перед другом, как самые настоящие мальчишки. Это ребячество забавляет нас. Но тут я внезапно вспоминаю:

– Постой, а как же К.? Я же договорился с ней встретиться почти на то же время, что и с этими.

– Какая К.! – кривится Леша, словно я задал чрезвычайно неуместный и глупый вопрос. – Забудь! К тому же вряд ли она придет.

Все-таки до чего я непоследователен в своих устремлениях. Я, как пчела, собирающая пыльцу с разных цветков.

В конце концов я не виноват, если меня влечет к ним в силу осознанных природных потребностей. Красота этих девушек потрясает! Она опутывает меня с ног до головы, и я не могу ничего с собой поделать. Что это? Просто желание близости или чего-то большего? Я искренне восхищаюсь красотой каждой из них, так же искренне переживаю неудачи, но самое худшее, что я перестал верить себе и своим чувствам.

Да, я уже в предвкушении завтрашнего дня. Известный шаблонный сюжетец. Купим ради такого случая несколько

бутылок хорошего вина, каких-нибудь фруктов, после совместными усилиями какое-то время будем ломать комедию. Разыгрывать из себя джентльменов с навыками суперменов и мачо, а затем как-нибудь незаметно подойдем к делу. Употребим этих девушек до полного опустошения, после чего останется только самодовольно ухмыльнуться и закурить сигару. Любопытно буду ли я после всего этого чувствовать себя счастливым? Наверно, если буду пьян.

В непроглядном мраке номера, то ли засыпая, то ли со страхом ожидая приближения бессонницы, я внезапно раздражаюсь истерическим смешком.

– Чего ты лахаешь? – недоуменно спрашивает полусонный Леша.

– Может, он уже думает, что я сошел с ума?

– Да так, – неопределенно отвечаю я и тут же с новым приступом смеха поясняю: – Вот, идиоты. Додумались пригласить их на пляж. Посмотреть фигуры! Ты себя в зеркале видел?

– Нет. А что такое?

– Да ничего! Ты хочешь блеснуть перед ними своей атлетической мускулатурой?

За время отдыха я порядком отошал. Плавки свисают с задницы, легко можно пересчитать ребра, щеки впали, скулы резко очерчены, а руки точно две жерди.

– Вот б**дь! – тоскливо ругается Леша. – Я об этом даже не подумал! Я, как бы, не лучше тебя выгляжу! С**а!

Это его последнее ругательство. Я едва успеваю подумать, чтобы завтра все обошлось, и тут же проваливаюсь в глубокий сон.

Мы приходим вовремя. Леша не выспался и поэтому раздражен. В шортах в сине-белую полоску, бежевой майке, с рюкзаком на спине и громоздким надувным матрасом в руках он похож на завсегдатая пляжа. Каждый раз он таскает с собой на море этот дурацкий матрас. Меня так и подмывает проколоть его чем-нибудь острым.

Я в желтых шортах и белой майке, держу в руках зонтик. Наверное, он бесит меня не меньше матраса. Я нервничаю и часто смотрю на часы.

– Уже пять минут как опаздывают, – озабоченно говорю я.

– Не придут, б**.

– Ждем.

Да, да, я стараюсь быть спокойным. Убеждаю себя в том, что все хорошо и что они обязательно придут, но вместе с этим чувствую: дело плохо. Внутренний голос, как ни старайся, не заглушишь никакими убеждениями.

– Сколько времени?

– Уже десять минут...

– Еще подождем минут пять и пойдем...

Люди идут с пляжа нескончаемым потоком. Неясный гул толпы. Отдыхай, веселись! Сильно припекает и хочется пить. Их все нет и нет.

Леша заметно нервничает.

Представьте, каково было мое удивление, когда я увидел этих девушек, преспокойно возвращавшихся с пляжа! Они шли с безмятежным видом и наверняка хорошо искупались. Они заметили нас слишком поздно, чтобы улизнуть. Эта встреча была чистой случайностью. Я уверен, что они с превеликим удовольствием прошли бы мимо, сделав вид, что нас не заметили.

– Привет! – я обращаюсь к ним с деланной улыбкой и сдержанной злостью. – Уже как раз четыре часа. Пошли на пляж!

Брюнетка переглядывается с подругой и делает вид, что не совсем меня понимает, при этом кривит личико так, будто я сказал ей какую-нибудь грубость.

– Мы же вчера договаривались! Мы ждали вас двадцать минут!

О, еще бы! Для них это в порядке вещей! Подумаешь, какое-то обещание!

Мы ни о чем не договаривались? Ого, вот так заявочка!

Ведут себя нарочито холодно, словно считают наши претензии надуманными.

С ними все ясно. Я сухо прощаюсь и едва сдерживаюсь, чтобы не обругать их. Я не делаю этого только потому, что сам унижусь в своих глазах.

– С**и! – гневно восклицаю я, как только мы от них уходим. – Я не врубаюсь, что на этот раз мы сделали не так? Может ты мне объяснишь?

– Не знаю, не знаю... – отвечает Леша, расстроенный не меньше моего.

Опять все сорвалось!

– Они так спокойно еще заявили! Как будто не случилось ничего страшного!

– Я, как бы, не понимаю этих телок, – вторит мне Леша, – то у них одно в голове, то другое. Е**утые какие-то!

На пляже я равнодушно лежу на полотенце. Ничего не хочется. Даже сыграть в пляжный волейбол со спасателями. И хотя я знаю, что это не крушение жизни, пока мною правят эмоции, не могу успокоиться. Чем мы заслужили к себе такое пренебрежительное отношение? Что не так? Их что, вчера поиметь надо было?..

Ночь мы опять проводим в клубе. Изможденные, возвращаемся в номер, все говорим и говорим, не в силах умолкнуть.

В стену кто-то требовательно стучит, повелевая нам заткнуться. Ах да, как я забыл! В соседнем номере живут две гулящие женщины лет тридцати пяти. Как вульгарно и смешно они выглядят, когда пытаются вести такой образ жизни, словно они еще восемнадцатилетние глупенькие девочки, легкомысленно порхающие с одного на другое, толком не знающие ни себя, ни мира. Как-то раз они привели к себе кавалеров. Сквозь стену слышались их пьяный хохот и восклицания. Женщина в разврате уродлива! И этот бездонный омут их вовсе не красит! Печально, что и говорить, ко-

гда женщины становятся такими примитивными, глупыми и вульгарными созданиями. И как нам быть, мужчинам, с такими женщинами? Погибать вместе с ними?..

Леша засыпает как-то легко, безмятежно, словно и нет у него никаких переживаний. А я так не могу. Тщетно ворочаюсь на кровати и, в конце концов, признаю свое безоговорочное поражение: проклятая бессонница меня одолела.

Я как можно тише одеваюсь, набрасываю на плечи куртку и, зажимая сигару в руке, выхожу на балкон. Комары безжалостны, но я стараюсь на них не отвлекаться. То и дело сплевываю: неудачно отломал кончик сигары, и крупницы табака постоянно попадают на язык. Сигарный дым тянет в номер через приотворенную дверь балкона.

– Прикрой дверь, – слышится заспанный голос Лешы.

Я тихонько встаю со стула, придерживаю дверь рукой и продолжаю курить. Сигара становится горькой. Я выкурил ее почти до конца, но легче мне от этого не стало...

– Да я ради нее на все готов, – говорю я во мрак номера, немого свидетеля моего бессилия, глядя в окно, за которым светится неон казино. Говорю это и чувствую свою беспомощность. Какое-то фразерство!

– Да, – вздыхает Леша, – тут я конечно ничего не могу сказать. У тебя, как бы, вкус хороший. Я как увидел, что к ней катил, так офигел. Я бы побоялся! Девочка красивая, ничего не скажешь...

Его слова тонут в безмолвии ночи. На мои вопросы ответа

нет. Мне не с кем разделить свое бремя отчаяния. Ну почему я такой впечатлительный? Все не могу ее забыть. Она далеко не идеальна и к тому же уехала.

Может, ей надо было сказать все честно, как есть? Хотя она бы высмеяла меня...

Приступ отчаяния крепчает к утру. Глухая тоска раздирает грудь. Бороться бесполезно, это можно только переживать. Ощущение обреченности. Конец известен заранее. В этом отношении все люди равны. Но в чем же тогда смысл существования, если все тленно?.. Нет, я не в силах заставить ее полюбить себя. А если бы мог, пошел бы я на такой шаг? Ответ снова «нет»...

Как я завидую временами тем, кто может остановиться и сделать свой выбор. Это кажется мне фантастически невозможным. Но что ждет их дальше, этих счастливых? Не превращается ли их любовь в увядший цветок? Куда исчезает этот упоительный накал страсти? Чувство избыточной нежности? Увы, я не способен сделать этот выбор, блуждаю во тьме с огоньками, не в силах решиться, куда же идти. Ужасно! Любовь в своем законченном виде предстает перед нами в виде дружбы, глубокого взаимоуважения, памяти о совместно прожитых годах и, конечно же, детях. Она становится привычкой.

Как бы я хотел любить абсолютно! На грани исступления и ощущать на себе такие же чувства своей избранницы! Но люди не могут так любить. Они не совершенны. Сего-

дня – нежность и любовь, а завтра – холодное безразличие и жестокость.

Я не могу угнаться за всеми бесчисленными девушками, но не хочу им лгать. Пусть обманывают, поступают со мной, как им виднее, но многообразие их красоты делает меня бес-
сильным.

Как я могу сделать признание, если не знаю, что есть та-
кое любовь? Ее нельзя познать, объяснить, разложить на со-
ставляющие. Она либо есть, либо нет и, как все в этом ми-
ре, недолговечна. Любить абсолютно может только Бог! Его
любовь совершенна. Тогда почему человек всю жизнь ищет
несовершенной любви, этого хрупкого счастья? Почему он
ищет то, чего не знает, чего нельзя понять и объяснить? К че-
му приводят эти поиски? Есть ли у них конец или только
смерть прерывает эту бесконечность?

Дни перемешиваются... Обрывки воспоминаний. После-
полуденный час. Леша сидит на балконе и отряхивает ноги
от песка. Первую бутылку я выпил на пляже. Красный фла-
жок трепещет на ветру. Штормовое предупреждение? Я вы-
пил вторую и пошел купаться. Такое чувство, что прохлад-
ное море, словно невидимым неводом, тянуло меня от бере-
га. Жуткое ощущение. Я немного поплавал и вышел из воды.
А сейчас лежу на кровати и пью третью бутылку. Хорошая
доза, ничего не скажешь. Допив, пускаюсь в пьяные рассу-
ждения, так как все равно скучно.

Трезвый Леша смеется над моими неудачными попытка-

ми казаться умным и говорит, что я пьяный debil. Я не обижаюсь на него. Он слушает музыку и думает о чем-то своем...

– Чем после универа думаешь заниматься? – спрашиваю я у Леша, когда мы вдвоем сидим на балконе и нежимся в лучах вечернего солнца. Вдоволь накупавшись, я ощущаю во всем теле истому. Полусонное состояние. Редкие минуты, когда так хорошо, что кроме жизни ни в чем больше не нуждаешься.

– Не знаю. Еще не думал, как бы, – рассеянно отвечает Леша. – Делюгу мутить буду. Главное универ закончить. Потом все будет в порядке. А ты что думаешь?

Что я думаю? Полнейшая неопределенность. Я не могу себя кем-то представить. Леша, понятное дело, будет продолжать бизнес отца. Ему все покажут, научат. У меня такой возможности, к сожалению, нет. Надо делать все самому. Только что?

– Не знаю... наверное, бизнесом, – неуверенно отвечаю я.

– Может, вместе будем делюгу мутить, – задумчиво, с нотками деловитости в голосе, говорит Леша.

– Вряд ли. Сам подумай, какой смысл вам кого-то звать, если дело и так хорошо идет, – я чувствую, как моя прямота таит в себе какую-то невысказанную обиду.

Почему одним родители оставляют что-то, а другим ничего? Но с другой стороны родители ничего тебе не должны. Мне просто страшно оттого, что я не вижу себя ни в ка-

ком деле. Все как-то неопределенно. Я заявляю всем, что хочу быть бизнесменом и зарабатывать приличные деньги, и тут же меня сковывает страх. Я же ничего не знаю, ничего не умею. Неужели меня ждет безрадостная жизнь? Неужели я должен буду ходить на низкооплачиваемую службу, работать на кого-то и отказаться от своих мечтаний? Мое ли это призвание? Совсем не хочется прозябать в нищете или только и заниматься, как воровством, стараясь выжать из своей должности максимум выгоды. Все это слова, но содержания нет никакого...

И снова ночь, а потом опять день. Пустые ссоры. Непрерывающееся выяснение отношений.

После моря Леша обычно идет на прогулку, а я бездельничаю в номере. Ужинаем в разных ресторанах. Я в том, что дешевле, он в том, что дороже. Его, видите ли, бесит моя экономия, а меня, в свою очередь, то, что он засыпает так быстро, и мне не с кем поговорить. Я вынужден лежать молча, переживать наедине с собой одно и то же.

Терзания не отличаются особым разнообразием. Да и для того, чтобы стало несладко, может хватить одной мысли, повторяющейся изо дня в день. Например, о бессмысленности собственной жизни.

Неохота идти на пляж, который мы забросили вот уже несколько дней. А время тянется так медленно, словно нарочно издевается над нами. Но знаете, что самое худшее? Несмотря на то, что хочу в Мегополис, я прекрасно пони-

маю: там все будет точно так же, если не гораздо хуже. Мелочные дела засасывающей повседневности, бесцельно прожитые дни, скучная учеба и острое одиночество. Но и здесь как же невыносимо! Я веду обратный отсчет. Отмучаться еще недельку – и все...

С того времени, как я уехал из Мегалополиса, я позвонил родителям только один раз, в день прилета. А все остальное время я о них почти не думал. Они жутко разволновались, не случилось ли чего со мной, и позвонили сами. Что я мог им сказать? Все в полном порядке! Я доволен! Мне нравится!

– Слышишь, Леха, нельзя говорить им, что отдых г**но. Они тогда взбесятся!

– Да, ты прав. Лучше молчать, как бы, – в этом вопросе Леша со мной солидарен...

На перекрестке, за которым широкая улица, ведущая к морю, мы видим пьяного «регулирующего», забулдыгу с изможденным лицом. На нем черный пиджак и серые штаны, на голове – соломенная шляпа. Он тоже хочет быть кому-то нужным. Пьяница артистично взмахивает руками, что-то кричит, однако на него никто не обращает внимания.

Судя по всему, он не особо расстраивается по этому поводу, вечером появляясь у клуба вдрызг пьяный, с бутылкой дешевого вина и все в той же одежде.

Иногда мы видим его на пляже. Он сидит в теньке, худой и грустный, смотрит куда-то вдаль. Он словно высох на солн-

це. Я не сомневаюсь в том, что жизнь его нелегка. С ним никто не заговаривает. Он все время один. И тянется к людям. Хочет быть среди них, несмотря ни на что. Он, как и мы, здесь изгой. И пусть он сам повинен в своем пьянстве, я все-таки ему сочувствую. Я уже хорошо изучил эти взгляды, полные безмерной тоски. Взгляды людей, примирившихся с собственной никчемностью и тяготами жизни.

– Что будешь делать с матрасом?

– Не знаю. С собой брать точно не буду.

– Давай его оставим на пляже. Может, этот булдос возьмет. Хоть поплавает. И зонтик оставим. Зачем он нам?

– Да, надо оставить, – соглашается со мной Леша. – Хоть какая-то радость будет тому, кто найдет.

Накупавшись, оставляем вещи в номере и проходимся по торговым рядам. Сплошные подделки. Джинсы, майки, часы, панамы – все эти безделушки сделаны под именами всемирно известных брендов. Беспольные вещи для тщеславных людей, у которых не так много денег, но которые отчаянно хотят, пускай и эфемерно, хоть чем-то походить на богатых.

– Я куплю котлы и панаму, как у Тимати. Котлы в клуб одену. Никто не отличит, подумают, что настоящие.

– Краска облезет через месяц, – утверждаю я, – и будешь потом материться, что зря потратил деньги. Джинсы – другое дело. Вроде как неплохие. Может, возьму потом три пары.

– Зачем тебе так много? – недоумевает Леша.

– Чтобы не носить одни и те же. Вернусь в Мегapolis, фраером буду в институте.

Смешно, правда? Один другого стоит. К счастью, это желание настолько непрочное, что мы остаемся при деньгах.

Помирившись, ужинаем вместе. Помню, как уставились на нас в итальянском ресторане, когда мы ввалились туда одетые, как на пляж. С нами никто даже не поздоровался и никто не провел к столу.

Молодой итальянец в черных брюках, синей рубашке и до блеска начищенных туфлях, наверно, управляющий этого ресторана, встречающий гостей радушной улыбкой у входа, словно нас и не заметил. Вероятно, он не посчитал нужным снизойти до нас с высоты своего положения. Но стоило нам тогда оставить хорошие чаевые, как отношение к нам чудесным образом изменилось. И «здравствуйте» и «до свидания». Лицемерные с**и!

– Я, как бы, не люблю эти дешевые улыбки. Типа респектят.

– Я тоже не люблю это. Гнилые людишки! Почему сразу нельзя нормально отнестись? Как будто, заплатив чаевые, мы стали другими людьми!

Итальянский ресторан самый дорогой из всех, в которых мы бываем. Заглядываем и в китайский, где один смазливый официант по имени Джордж однажды осмелился сам взять себе чаевые, не принеся всю сдачу с крупной купюры. Хороший трюк, ничего не скажешь! Следовало бы проучить

его, но мы, юнцы, растерялись. Разве что перестали оставлять чаевые. Расплачивались нарочно мелкими купюрами, чтоб обходиться без сдачи. Или оставляли несколько монеток, словно в насмешку. Когда надоедает и этот ресторан, отправляемся в тот, который поблизости от нашего отеля. Приятные официанты: две сестры-близняшки и два парня. Мы их уже хорошо знаем и они нас тоже. Здороваемся и улыбаемся друг другу. Обслуживают без какого-либо холуйства, как дорогого гостя. Нам это нравится. Раз, правда, я оконфузился с чаевыми. Был не в духе и оставил монетку. Леша ругался. И мне было стыдно...

Обед плавно съехал на полдник.

– Еще неделя осталась, – хрипло говорю я, – и мы сваливаем отсюда.

– Скорее бы!

Сидим в гнусном общепите Jenny. Уже и рестораны надоели. Просто тошнит от этого однообразия. В Jenny каждый день большая очередь. Что здесь нашли эти придурки?

Официант приносит меню. Столик настолько шаткий, что мне хочется его перевернуть.

Приносят чай, точнее кипяток, который разливают по бокалам. Они кажутся мне грязноватыми. Заваривается чай цвета бледно-желтой мочи. Надо подождать. В придачу еще и трубочка.

– Что это за пойло, б**дь? – недовольно кривлюсь я.

Леша ухмыляется и смеется. Его забавляет, когда я начи-

наю злиться и сквернословить.

Приносят омлет с грибами, сложенный пополам, на котором еще шипит масло, и плохо разогретое пюре, наваленное на тарелку горкой, словно куча дерьма.

– Что это за столовая? Какая-то отравла! – я с подозрением пробую безвкусный омлет и нахожу его отвратительным. Отодвигаю тарелку. То же можно сказать и об остальном. Так толком и не пообедав, мы расплачиваемся и уходим на пляж.

– Jennу, б**дь! Х**ня какая-то!

– Это была твоя идея! – хохочет Леша.

Я угрюмо смотрю на него...

Едем в лифте, возвращаясь с ужина. Я, как обычно, подвыпивший.

– Слушай, я все-таки не понимаю, почему ты не хочешь снять проститутку? Боишься заразиться?

Зря он начал этот разговор. Я не выдерживаю напряжения последних дней и срываюсь:

– Слушай, а почему столько листьев на деревьях? А почему х** такой длинный?

Леша ошеломленно молчит.

Я смотрю в зеркало на свое исхудавшее лицо, на усталые глаза с красными сосудами. Они воинственно блестят. Разве я торжествую? Жалкая злоба – верный признак бессилия. Наверное, сейчас я готов подраться с кем угодно, только бы выплеснуть агрессию.

Леша благоразумно молчит, видя, что я ничего не сообра-

жаю. Перед дверью номера с недоуменной улыбкой кидает:

– Я так ничего и не понял.

Я чувствую себя перед ним виноватым...

– Ха-ха, я даже лифчик расстегнуть не смогу! Какой позор, б**дь!

Леша в ответ так же нервно смеется.

– Слушай, чем мы тогда с тобой занимались?

– Как чем? Я лабал на компе, – со смешком отвечает Леша.

– Я тоже, б**дь! Теперь надо сказать ему спасибо за то, что у нас ничего не клеится с телками!

– Ах-ха-ха! – на порядок громче безудержно смеется Леша и истерически вскрикивает, так выразительно, словно называет имя какого-нибудь известного боксера перед началом поединка: – Комп!..

– П**дец, что там творится! – возбужденно кричит Леша. Он смотрит на меня широко раскрытыми глазами, словно только что увидел что-то невероятное. Я не успеваю задать вопрос, а он продолжает: – Там какую-то телку прямо на столе е**ли! Прямо при всех!

– Как? Не может быть! – неуверенно отвечаю я. Услышанное как-то не укладывается в голове.

– Да я говорю тебе! Прямо при всех!

Я только пожимаю плечами. Вполне возможно. Я не исключаю такой вариант. Набрались до беспамятства или нюхнули чего-нибудь – и полный вперед...

Я не унываю и продолжаю свои поиски. Знакомлюсь со стройной македонкой с вьющимися волосами до плеч. Она из Скопье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.